

11,266к 7

Г. ГОРБУНОВ

Литературное
Иваново

ОБЛАСТНАЯ
ИВАНОВСКАЯ
1 9 5 0

11266 к

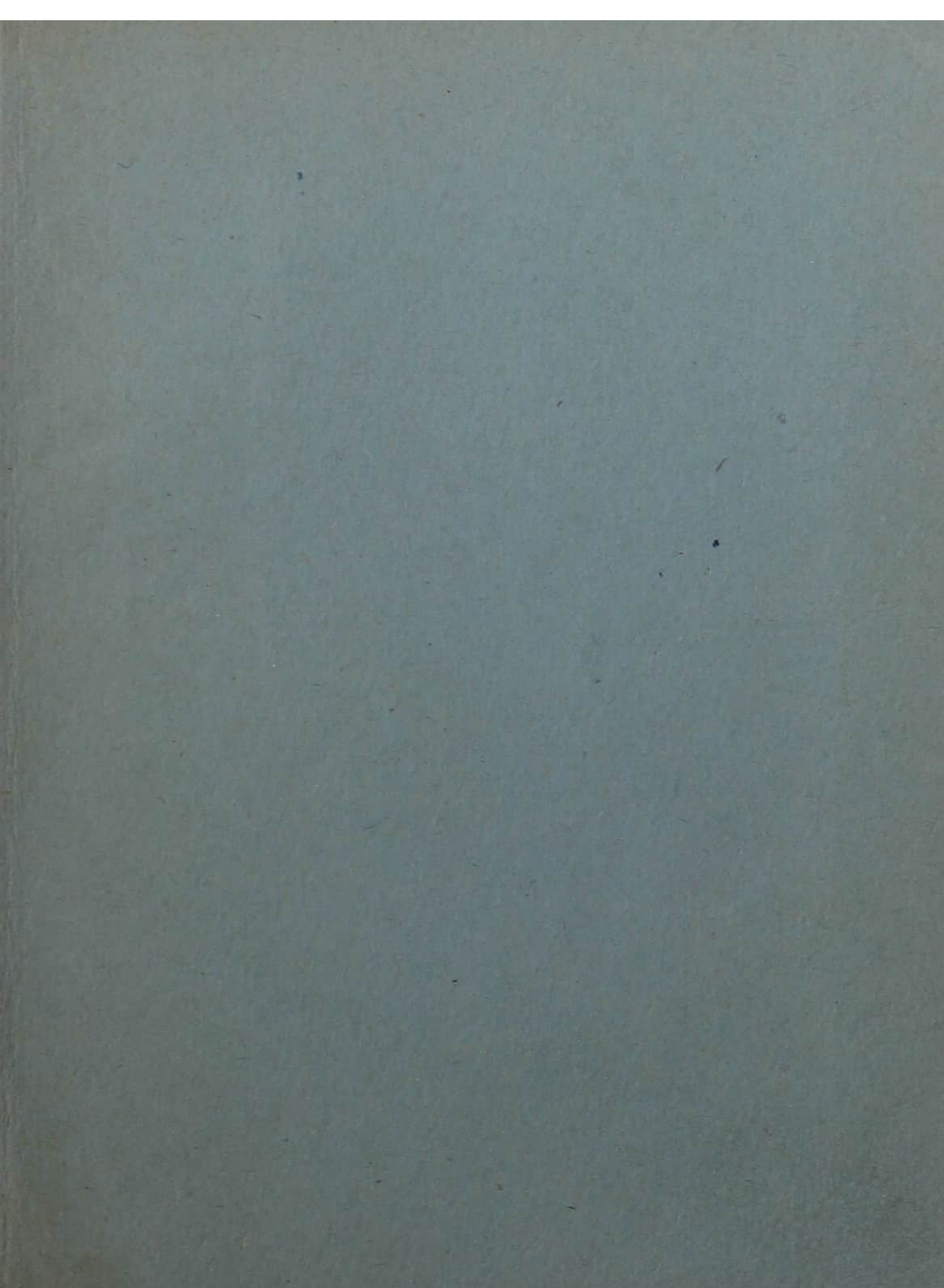
Горбунов, Т.

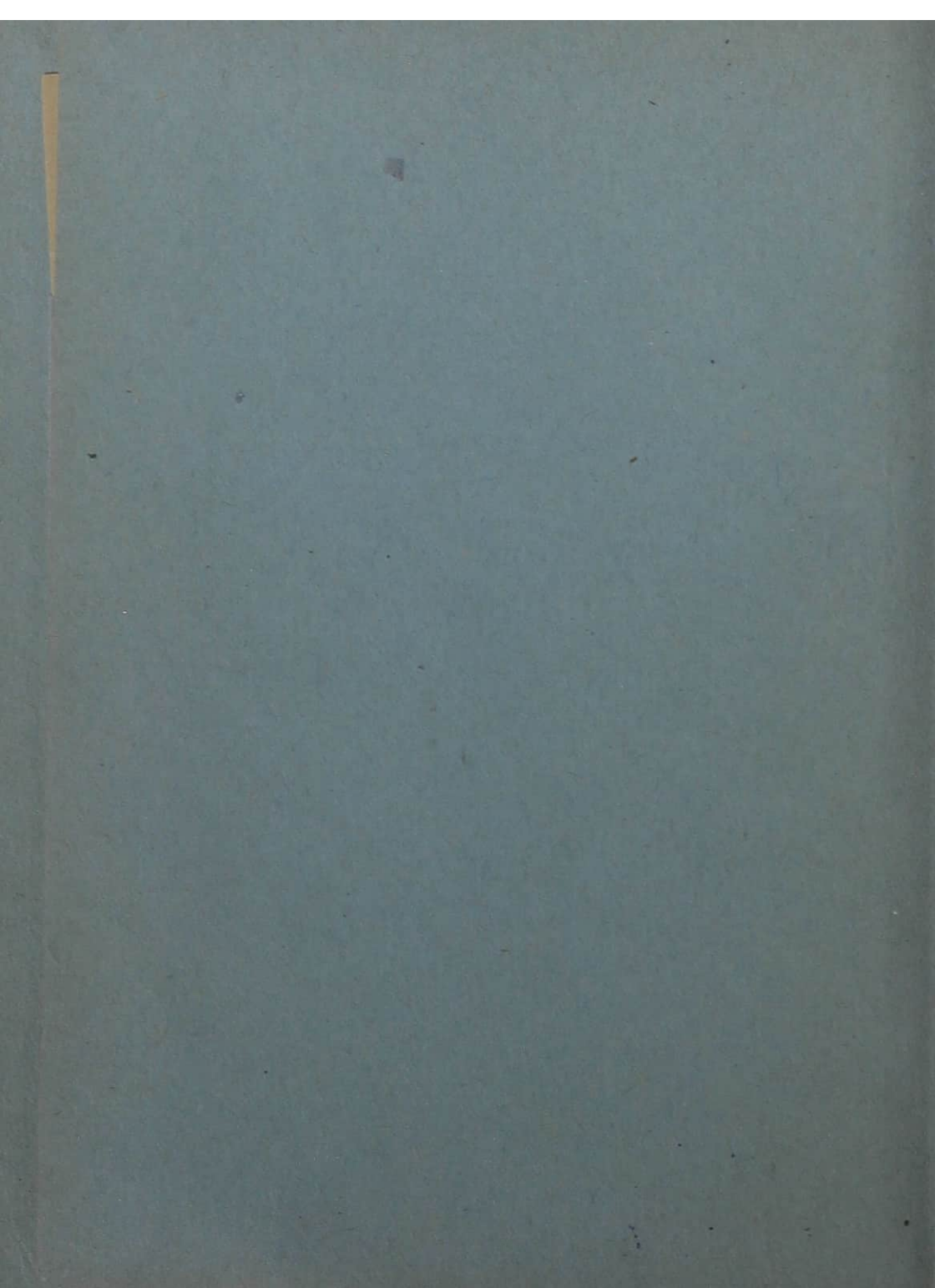
Литературное Иваново.

Зр. 85 к

8289

4989 18/1/14

Г. ГОРБУНОВ

ЛИТЕРАТУРНОЕ
ИВАНОВО

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1950

1958

54

2010

М. 266 К.

ОТ АВТОРА

В настоящий сборник входит часть литературно-критических статей, опубликованных в последние годы в „Ивановском альманахе“, газете „Рабочий край“ и других литературных изданиях. Статьи подобраны с таким расчетом, чтобы читатель мог проследить страницы истории одного из старейших литературных коллективов — коллектива ивановских писателей, а также творческий путь отдельных литераторов.

OF ARTS

The following is a list of the
works of art which have been
acquired by the Museum since
the year 1870. The list is
arranged in chronological order
of acquisition, and is divided
into two parts, the first
containing the names of the
artists, and the second
containing the names of the
works. The list is intended
to give a general idea of the
progress of the Museum's
collections, and is not
intended to be a complete
inventory of the works of art
in the Museum's possession.

О ПРОЙДЕННОМ ПУТИ

Великая Октябрьская социалистическая революция, принеся освобождение угнетенным народам России от векового насилия эксплуататоров, от социальной лжи и несправедливости, положила начало невиданному в истории расцвету подлинно народной культуры. Революция создала все условия для того, чтобы „втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами“¹.

Каждая национальная республика, край и область с гордостью могут отметить свой вклад, внесенный в социалистическую куль-

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. III, т. XXII, стр. 158.

туру. Современная советская литература создавалась трудом тысяч литераторов, неразрывно связанных с народом и получивших возможность проявить свою творческую энергию благодаря великим завоеваниям Октября и повседневным заботам партии Ленина — Сталина. С этой точки зрения город Иваново является красноречивым примером участия писателей в создании самой передовой литературы мира — литературы социалистического государства.

В старом Иваново-Вознесенске, прославленном революционной борьбой ткачей, до 1917 года почти не было печати. Издавалась махровая черносотенная газетенка „Ивановский листок“, которую рабочие не читали. Голос рабочего поэта можно было услышать лишь в конспиративных квартирах да рабочих каморках. Каким гонениям и преследованиям подвергались певцы свободной мысли со стороны царского правительства!

Ивановского поэта, рабочего революционера Ивана Матвеевича Семенчикова (1877 — 1911 гг.) за участие в революционном дви-

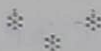
жени и стихи царские власти упрятали в Шлиссельбургскую крепость, а позднее сослали его на каторгу в Сибирь. Там он и скончался.

В одном из стихотворений, дошедших до нас, И. М. Семенчиков так определял свое призвание в жизни:

Я вам песни спою не небесные,
Сказки вам расскажу не чудесные.
Не скажу я привет сердцу праздному,
Не скажу похвалы безобразному.

Нет, я жизни хочу для себя и других,
Сколько силы найду, послужу я для них.
Буду петь до конца о великом труде,
Буду рваться всегда помогать их нужде.

Проклятая пора многовековой эксплуатации и чудовищного насилия над человеческим духом канула в безвозвратное прошлое. Город Иваново, ставший за годы советской власти крупнейшим центром текстильной промышленности, одновременно рос и как культурный центр, с судьбой которого связано немало творческих достижений писателей, внесших свой вклад в социалистическую литературу.

С первых дней Октября в Иваново стала издаваться газета „Рабочий город“, вскоре переименованная в „Рабочий край“. Литераторы, главным образом стихотворцы, группируются вокруг газеты. Выходят первые коллективные сборники стихов ивановских поэтов („Крылья свободы“ — 1919 г., „Красная улица“ — 1920 г., „Начало“ — 1921 г.). В это время особенную популярность приобретают произведения Дмитрия Фурманова, Ефима Вихрева, Серафима Огурцова, Дмитрия Семеновского, Михаила Артамонова, Ивана Жижина, Александра Благова.

Плодотворной деятельностью ивановских писателей живо интересуется А. М. Горький. Огромная любовь Алексея Максимовича к молодым талантам всегда была характерной чертой его замечательной жизни. Очень многие начинающие писатели, посылая ему свои первые произведения, с нетерпением ждали от него ответа. А. М. Горький охотно отвечал. Адресаты с чувством волнения вскрывали его письма и, как стихи, заучивали наизусть теплые и разборчивые строчки, подписанные — „А. Пешков“ или „М. Горький“. Сколько счастья, радости переживали моло-

дые писатели, читая в письмах Алексея Максимовича мудрые советы о том, как надо писать.

На долю ивановцев выпала, быть может, особенная честь: Алексей Максимович издавна заинтересовался ивановскими литераторами, на протяжении долгих лет следил за их творчеством. Уже в первые годы советской власти до А. М. Горького доходят слухи о плодотворной деятельности группы пролетарских поэтов, работающих в Иваново-Вознесенске.

При встрече с Владимиром Ильичем Лениным А. М. Горький рассказывает об этой группе писателей, и В. И. Ленин, перегруженный огромными государственными вопросами, находит время, чтобы познакомиться с произведениями иваново-вознесенских поэтов.

28 января 1921 года он пишет своему секретарю записку следующего содержания: „Прошу (комплект) достать „Рабочий край“ в Ив.-Вознесенске (кружок настоящих пролет. поэтов). Хвалит Горький: Жижин, Артамонов, Семеновский“.

Этой маленькой запиской Владимира Ильича вправе гордиться не только ивановцы, ибо в ней красноречиво выражена забота вождя

о молодых побегах советской литературы, о писателях, живущих на периферии.

Большую помощь оказывал ивановцам А. М. Горький. Его связь с ивановцами чаще всего осуществлялась через переписку с поэтом Д. Семеновским. А. М. Горький переписывался также с литераторами Е. Вихревым, Н. Колоколовым, М. Шошиным, М. Марковым и другими.

Что касается Д. Семеновского, то А. М. Горький начал переписываться с ним еще до Великой Октябрьской социалистической революции. У Д. Семеновского сохранилось более 30 писем от Алексея Максимовича. Первая связь Д. Семеновского с А. М. Горьким относится к 1912 году. Тогда Д. Семеновский учился во Владимирской семинарии; в том году революционно-настроенные семинаристы взбунтовались. Владимирский губернатор погрозился их „сгноить в тюрьмах“. Он отдал распоряжение ввести в актовъй зал семинарии роту солдат и взять бунтовщиков на прицел. После такой демонстрации, рассчитанной на испуг, взбунтовавшимся семинаристам выдали „волчьи билеты“. „Волчий билет“ получил и Д. Семеновский, который, переживая тяжелое положение опального человека, решил обратиться за помощью

к А. М. Горькому, отправив ему несколько своих стихотворений. Алексей Максимович принял деятельное участие в судьбе молодого человека: устроил его учиться в Московский университет им. Шанявского и помог юноше материально.

В ранних стихах Д. Семеновского сказывалось влияние всякого рода безидейных течений дворянско-буржуазной литературы. Такими течениями, прежде всего, были символизм и акмеизм, которым товарищ А. А. Жданов дал следующую исчерпывающую характеристику: „Из истории русской литературы мы знаем, что не раз и не два реакционные литературные течения, к которым относились и символисты и акмеисты, пытались объявить походы против революционно-демократических традиций русской литературы, против ее передовых представителей; пытались лишить литературу ее высокого, идейного и общественного значения, низвести ее в болото безидейности и пошлости“.

Отвечая на стихи Д. Семеновского весной 1913 года, Алексей Максимович писал молодому автору, предостерегая его об опасности попасть в плен дурного влияния символистов: „Вы, видимо, немало читали Бальмонта и современников, это сказалось излишней

цветистостью ваших стихов, в чем гораздо больше молодого форса и задора, чем вкуса и музыки. Как бы мы все ни метались, а во едину от суббот — и постоянно молим: попроще, пояснее! Детские болезни, разумеется, обязательны в ваших условиях, но можно избежать скарлатины подражания — хотя бы и невольного — модернизму, не столь ценному у нас, как об этом принято думать“.

Предостерегая начинающего поэта от словесного трюкачества и литературной зауми, так часто свойственных буржуазно-дворянским упадническим направлениям в литературе, А. М. Горький вместе с тем видел и отличал несомненную даровитость стихов Д. Семеновского. „Стихи ваши, — писал он, — показались мне недурными... Искра божья у вас чувствуется, есть... Раздувайте ее в хороший огонь... Ищите себя“.

В этом же письме А. М. Горький просил молодого автора прислать еще стихотворений и, получив их, напечатал в прогрессивном журнале „Просвещение“, выходящем в Петербурге. Некоторые стихи Д. Семеновского печатались в то время в большевистской газете „Правда“.

Поддерживая связь с Д. Семеновским, Алексей Максимович продолжает предупреж-

дать его от чуждых влияний: „...не давайте души вашей в плен влияниям чуждым ей“, — заявляет он в одном из писем. Алексей Максимович советует писать как можно искренне, излагать материал „коротко, просто и так, как будто вы все это сердечно любимой вами девице пишете или рассказываете матери, которую тоже любите глубоко, страстно и бережно“...

Особенно часто Д. Семеновский получал письма от А. М. Горького после Великой Октябрьской социалистической революции. Его письма становились достоянием растущего круга писателей города ткачей. Горький просит сообщать ему, что нового в среде ивановцев, просматривает газету „Рабочий край“, выступает в печати с оценками произведений ивановских литераторов.

В предисловии к книге стихов Д. Семеновского „Земля в цветах“, вышедшей в 1930 году в издательстве „Недра“, Алексей Максимович находит нужным упомянуть о талантливой работе автора, пишущего стихотворные фельетоны в газете. „Фельетоны Семеновского в „Рабочем крае“, — пишет в предисловии А. М. Горький, — беспощадно бьют все то, что нужно бить словами правды, и всех, кого следует бить“.

Немало ценных советов дал ивановцам А. М. Горький в своих письмах к М. Шошину. О горьковских оценках рассказов М. Шошина идет речь в статье, характеризующей творчество этого писателя, включенной в настоящий сборник. Здесь нужно лишь отметить, что Алексей Максимович с отеческой заботой подмечал положительные черты в рассказах М. Шошина и вместе с тем категорически критиковал писателя, когда он относился к своему творчеству легкомысленно, искажая действительность.

А. М. Горький в письмах к М. Шошину и другим ивановским писателям советовал учиться художественному мастерству у лучших классиков русской литературы и, прежде всего, у Пушкина. А. М. Горький был чутким, но всегда требовательным учителем. Когда, например, ему некоторые начинающие ивановские авторы посылали сырые недоработанные стихи, Алексей Максимович советовал этим авторам не торопиться писать, не торопиться печататься, а сначала учиться овладевать культурой. Начинаящий поэт М. Марков, написавший несколько незрелых стихов, послал их Алексею Максимовичу с претензией где-либо опубликовать. А. М. Горький ответил М. Маркову, что

подобных стихов можно писать „целые версты“, что такие стихи не удовлетворяют читателей и что М. Маркову нужно думать не о литературной славе, а о серьезной учебе, о росте своей культуры.

Богатый материал о связях А. М. Горького с ивановцами обстоятельно изложен в книжке Д. Семеновского „А. М. Горький. Письма и встречи“, изданной в издательстве „Советский писатель“ в 1939 году, и в книжке П. Куприяновского „А. М. Горький в общении с ивановцами“, вышедшей в ИВГИЗ'е в 1950 году.

Связи и общения Алексея Максимовича с ивановскими литераторами укрепляли хорошие литературные традиции в городе текстильщиков и способствовали росту литературных дарований.

* * *

Среди ряда имен ивановских писателей, известных своими произведениями широким массам народа, пальма первенства принадлежит Дмитрию Андреевичу Фурманову. Ивановцы с чувством гордости могут сказать, что из их среды вышел такой одаренный писатель - коммунист, автор бес-

смертного исторического романа „Чапаев“, классик советской литературы. Годы детства и юности Дмитрия Фурманова прошли, главным образом, в старом Иваново-Вознесенске, откуда неслась по всей России слава грозных революционных стачек и забастовок ткачей.

С первых дней революции Дмитрий Фурманов формируется как журналист-общественник, писатель-боец. Работая в Иваново-Вознесенском губернском Совете рабочих и солдатских депутатов, Дмитрий Андреевич впервые публикует в „Рабочем крае“ свои произведения. Огромное и решающее идейно-политическое влияние на него оказал Михаил Васильевич Фрунзе. Он помог Д. Фурманову преодолеть серьезные идейно-политические колебания, распознать предательскую сущность буржуазных партий и, видя в нем честного интеллигента, способного отдать всю свою жизнь народу, рекомендовал его в ряды партии большевиков.

В Иваново Д. Фурманов возглавил тысячный отряд текстильщиков-коммунистов, чтобы вслед за М. В. Фрунзе вести их на борьбу против международной интервенции и внутренней контрреволюции. Будучи комиссаром Чапаевской дивизии, находясь в далеком Семиречьи или в 9-й Кубанской армии,

11.266 и.

Дмитрий Фурманов в перерывы между сражениями делает записи о боевых действиях и посылает эти записи в ивановскую газету „Рабочий край“. В тяжелые годы разрухи и гражданской войны письма и очерки, присылаемые Фурмановым в газету, вселяли в сердца ивановцев еще большую уверенность в полном разгроме врага, в счастливое будущее. Выступления Дмитрия Фурманова в газете имели огромное агитационно-пропагандистское и воспитательное значение. Позже они явились подготовительным материалом к созданию таких всемирно известных произведений, как „Чапаев“ и „Мятеж“. Очерки Д. Фурманова „Уфимский бой“, „Освобожденный Уральск“, „Уфа и Уральск“, „Пилюгинский бой“, напечатанные в „Рабочем крае“ в 1919 году, были впоследствии развернуты писателем в главы романа „Чапаев“.

Общеизвестно, как велико значение романа „Чапаев“, в котором раскрыт образ легендарного народного полководца и показана суровая героиня гражданской войны. Однако эта книга — не только о Чапаеве и гражданской войне, но и об ивановских коммунистах-ткачах, ставших, по меткому выражению М. В. Фрунзе, „цементом дивизии“ Чапаева.

Дмитрий Фурманов, получивший политиче-

ское и литературное крещение в Иванове, отдал должную дань воспитавшим его ткачам, написав много волнующих страниц об ивановцах в своем лучшем романе. Дмитрий Фурманов умер в расцвете творческих сил. „Он много видел,— писал о нем А. М. Горький,— хорошо чувствовал. У него был живой ум“.

Другим крупным писателем-коммунистом, вышедшим из среды ивановцев, был Ефим Вихрев (1901 — 1935 гг.).

Ефим Вихрев стал печататься с 1917 года в Шуйской газете. В то время он писал главным образом стихи. Как и Дмитрий Фурманов, он вместе с шуйскими и ивановскими ткачами ушел на фронт гражданской войны. В 1922 году, вернувшись с фронта, несколько лет сотрудничал в „Рабочем крае“ и скоро стал печататься в столичных журналах „Красная новь“ и „Новый мир“.

Изучая творчество народных художников села Палех, Е. Вихрев в 1930 году издает книгу „Палех“ и несколько позднее — интереснейший литературный труд „Палешане“. Эти книги приветствовал А. М. Горький как в личных беседах с автором, так и в письмах.

До сего дня Ефим Вихрев остается непре-

взойденным певцом палехского искусства и его знаменитых мастеров, известных всему миру. Писатель-коммунист Ефим Вихрев, так горячо любивший село-академию, умер в расцвете творческих сил, не успев завершить многие замыслы.

Интересной личностью среди ивановских литераторов был поэт Серафим Огурцов. Он, несмотря на тяжелую болезнь, приковавшую его на многие годы к постели, до конца своей жизни принадлежал к людям исключительно жизнерадостным, как в своем общении с товарищами, так и в стихах. Его произведения обычно отображали счастливые переживания и чувства человека, живущего на советской земле.

Д. Семеновский (родился в 1894 г.) испытал на себе влияние символистов, но благодаря А. М. Горькому сумел преодолеть это влияние. Книги Д. Семеновского — „Земля в цветах“ (1930 г.), поэма „Сад“ (1934 г.), перевод „Слова о полку Игореве“ (1937 г.), „А. М. Горький. Письма и встречи“ (1939 г.), „Избранное“ (1946 г.) и другие сборники стихотворений, а также очерковые зарисовки получили положительные отзывы критики и читателей.

А. Благов (родился в 1883 г.) написал

десять сборников стихотворений. Среди них особенный интерес представляют „Ступени“ (1932 г., издательство „Федерация“), „Страна ткача“ (1936 г., ГИХЛ), „Избранные стихи“ (1946 г., издательство „Советский писатель“), сборник стихотворений „Ивановский ситец“ (ИВГИЗ, 1950 г.).

Покойный Эдуард Багрицкий в своем предисловии к книге А. Благова „Ступени“ писал: „Сборник „Ступени“, показывающий ступени роста одного из лучших наших рабочих поэтов, несомненно может быть рекомендован для изучения всем начинающим пролетарским поэтам“.

Отталкиваясь от поэзии Нечаева и Шкулева, А. Благов в идейно-политическом отношении отличался от них прежде всего тем, что его стихи имели более ярко выраженную классовую окраску и политическую остроту. Этому, конечно, способствовали революционные события города ткачей, где жил и работал поэт. А. Благов слагал стихи, которые становились боевыми песнями революционных текстильщиков. Его поэзия в целом — это большая развернутая картина жизни, быта, чувств, чаяний и надежд ткачей, картина, волнующая глубоким лиризмом, художественной простотой и правдой.

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции у ивановских литераторов сложилась хорошая традиция живого и систематического общения с народом. Этому во многом помогала наша печать. Достаточно указать хотя бы на выход таких сборников, как „Взмах“, „Живописное слово“, „Венок“ (стихи о В. И. Ленине), „Молодость“, „Мы победим“, „Наступление“, „Порыв“, „Рейд“, „За родину“, таких журналов, как „Пламя“, „Звено“, выходивших в течение ряда лет, таких альманахов, как „Атака“ и „Ивановский альманах“, издающийся и до сегодняшнего дня. К этому, далеко не полному, перечню литературно-художественных изданий надо прибавить еще значительное количество книг и сборников отдельных авторов, изданных ИВГИЗ'ом и центральными издательствами. Немалую роль в развитии литературного Иванова сыграли „Литературное приложение“ к газете „Рабочий край“ и сама газета с ее „Литературными страницами“.

Когда окидываешь взором все то, что печаталось в Иванове за годы советской власти и вместе с тем мысленно представляешь дореволюционное Иваново, — невольно изумляешься тому, как много сделала боль-

шевистская партия для развития нашей литературы во всех ее многочисленных звеньях.

В годы сталинских пятилеток творчески проявили себя Михаил Дудин, Алексей Лебедев, Виктор Полторацкий, Дмитрий Прокофьев, Михаил Шошин, Владимир Кудрин.

Перу Виктора Полторацкого принадлежат шесть сборников стихотворений („Теплый ветер“, „Под небом родины“, „Живопись“ и др.), повесть „Лето“, ряд интересных рассказов. Работая в газетах, В. Полторацкий воспитал в себе остроту взгляда; его стихи и проза оставляют впечатление свежести. В этом году в издательстве „Известия“ вышла его очень интересная книга очерков „В дороге и дома“.

М. Шошин — автор романа „За рекой Выремшей“, — создал немало произведений, заставляющих читателей питать к нему чувство доверия как к художнику, способному написать ценные произведения.

В грозные годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство писателей-ивановцев ушло на фронт. Среди них В. Полторацкий, В. Кудрин, А. Лебедев, М. Дудин, Д. Прокофьев, В. Жуков и дру-

гие. В суровых боях с фашистскими разбойниками героически погибли два молодых талантливых поэта: Владимир Кудрин и Алексей Лебедев.

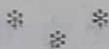
Владимир Кудрин, находясь на фронте, часто присылал в Иваново стихи, полные бодрости и уверенности в победе. Поэтическое наследство В. Кудрина невелико. Но сборник его стихов, изданный ИВГИЗ'ом в 1946 году, подкупает читателей своей лиричностью. Этот сборник одаренного, но еще не развернувшего свои возможности поэта может быть по праву оценен словами самого автора:

Бесследно я из жизни не уйду,
Я в чутком сердце отзвуки найду;
И песни те, что я сложил в бою,
Споют не раз в моем родном краю.

Погиб в жестоких схватках с фашистскими пиратами моряк Балтийского флота Алексей Лебедев.

Его сборник стихов „Лирика моря“ правдиво изображает нравственную красоту и силу отважных советских моряков.

После Великой Отечественной войны вернувшиеся с фронта писатели вновь получили возможность заниматься непосредственно литературным творчеством.

Громадное значение в новом подъеме и росте советской литературы имели исторические решения ЦК ВКП(б) 1946 года „О журналах „Звезда“ и „Ленинград“, „О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению“ и „О кинофильме „Большая жизнь“. Эти решения, направленные против безидейности и аполитичности в искусстве, против приятельских отношений и беспринципности, развенчали хулиганско-обывательское „творчество“ М. Зощенко, безответственное отношение отдельной категории работников искусства к своим произведениям. Центральный Комитет большевистской партии призвал советских писателей решительно бороться за ленинско-сталинский принцип партийности искусства, за смелое развертывание большевистской критики и самокритики, за создание новых произведений на высоком идейном и художественном уровне.

Писательская общественность нашей страны после исторических решений ЦК ВКП(б) прониклась чувством огромной ответственности и высокого долга перед народом. Эти решения еще раз напомнили писателям, что литература — дело большой государственной важности,

что писатели своими произведениями призваны воспитывать, формировать коммунистические качества в характере советских людей.

Миллионы читателей не только в нашей стране, но и за ее пределами скоро стали свидетелями того, как благодаря решениям ЦК ВКП(б) советская литература обогатилась новыми прекрасными книгами, удостоенными Сталинских премий. Эти книги известны и любимы ныне во всех уголках земного шара.

Для каждого советского писателя, — был ли он уже с большим именем или только еще готовил первую книжку к печати, — решения ЦК ВКП(б) стали развернутой программой действий, настольными вдохновляющими документами в повседневной творческой работе. Заметное оживление после решений ЦК ВКП(б) нельзя было не видеть и в среде ивановских литераторов. Некоторые писатели, несомненно, выросли, появились новые имена, стало больше издаваться книг, получающих одобрение читателей и критики.

Небезупречный, но в целом интересный роман „За рекой Выремшей“ опубликовал М. Шощин. Заметно творчески вырос М. Кочнев, всерьез заинтересовавшийся фольклором текстильщиков и написавший четыре книги сказов: „Серебряная пряжа“, „Расписной узор“,

„Сорок веретен“ и „Дело человеком славится“. Заметно также развернулись способности Д. Прокофьева, опубликовавшего повесть „Высота“ о героических буднях Сталинградской битвы, а также две небольшие повести „Восхождение“ и „Весенние дни“, рассказывающие о Великой Отечественной войне.

На большую дорогу советской поэзии вышел за эти годы наш земляк М. Дудин, книжки стихов которого („Стихотворения“, „Семья“ и другие, изданные в Ленинграде в 1949 году) вызвали большой общественный резонанс.

Широкой известностью пользуется другой наш земляк — Арк. Васильев. Его фельетоны и юмористические рассказы, нередко появляющиеся на страницах журналов „Крокодил“ и „Огонек“, радуют оригинальностью и остроумием.

Творчески проявил себя В. Жуков. Его первая книжка стихов „Солдатская слава“ была тепло встречена читателями. Но последующие две книжки стихов для детей В. Жуковым написаны неравноценно: в первой книжке „Игрушечных дел мастер“ больше мастерства и содержательности, чем во второй — „Голубой велосипед“, где автор идейно обеднил содержание своих стихов.

Чаще стали печататься на страницах газет и „Ивановского альманаха“ такие молодые поэты, как Л. Кудрин, Н. Сусленников, В. Воробьев, Н. Михеев, И. Озеров, И. Мартьянов, И. Ганабин. У И. Мартьянова в этом году вышла в ИВГИЗ'е первая книжка стихов „Мои товарищи“, а у И. Ганабина книжка „Первый выход“.

Больше стали уделять внимания ивановские писатели детской литературе. Лишь за последние два года вышли такие книжки для детей, как „Живые игрушки“ Л. Кудрина, „Первое слово“ Б. Иовлева, „Игрушечных дел мастер“ и „Голубой велосипед“ В. Жукова, „Детям“ А. Благова, наконец, коллективный труд почти всех ивановских писателей под заголовком „Юным друзьям“. Перу писателя В. Великанова принадлежат две книжки рассказов для детей: „Мои рассказы“ (Свердловск, 1947 г.) и „Дружок“ (Молотов, 1948 г.). Приехав в Иваново в 1949 году, В. Великанов принимает деятельное участие в альманахе и других литературных изданиях.

Однако еще не все писатели-ивановцы сделали необходимые выводы из исторических решений ЦК ВКП(б). Только этим можно объяснить тот факт, что отдельные писатели

допускают серьезные промахи в своем творчестве.

В альманахе для детей „Дружба“ (ИВГИЗ, 1947 г.) были помещены слабые в идейно-художественном отношении сказы М. Кочнева „Непробудный сон“, „Катеринкино счастье“; плохо выглядело в этом альманахе также лицо писателя М. Шошина. Он опубликовал рассказы, в которых животные носят человеческие имена, а люди имеют лишь оскорбительные для них клички. Это свидетельствует о том, что М. Шошин черпал материал не из жизни советской деревни, а из рассказов давно минувших дней. Например, колхозная кладовщица в рассказе „Левон и Стенька“ именуется графиней. „Графиня, — пишет автор, — получила это прозвище за статность, дородность и повелительный взгляд“... По М. Шошину выходит, что статной женщиной может быть дворянка, графиня, но никак не колхозница.

Очень неудачна книжка стихов М. Бритова „По фронтовым дорогам“, вышедшая в ИВГИЗ'е в 1948 году. Правда, в этой книжке можно встретить и неплохие стихи, но их так мало, что нельзя было издавать отдельный сборник. Фактура большей части стихов слабая. Автор часто пользуется таки-

ми словами, которые давным давно вышли из употребления, например:

Навстречу нам согбенная, седая
Шла женщина

Но дело не только в языке. М. Бритов, рисуя картины войны, искажает их, а местами придает им какое-то иконописное обличье. В стихотворении „Пашня“ он хочет убедить читателя, что советские люди во время Великой Отечественной войны превратились в безропотных страдальцев:

Они идут —
Ни ропота, ни жалоб
Не вымолвят засохшие уста...

Приведенные здесь примеры говорят о том, что отдельные ивановские литераторы, забывая о высокой ответственности перед читателями, торопятся печатать произведения, слабые в идейном и художественном отношении.

Чтобы повысить качество произведений, каждый литератор должен неустанно работать над повышением своего идейно-политического уровня, глубже изучать жизнь, упорно совершенствовать свое мастерство.

„Советские писатели, — говорит тов. Жданов, — и все наши идеологические работники

поставлены сейчас на передовую линию огня, ибо в условиях мирного развития не снижаются, а, наоборот, вырастают задачи идеологического фронта и в первую голову литературы...

Большевики высоко ценят литературу, отчетливо видят ее великую историческую миссию и роль в укреплении морального и политического единства народа, в сплочении и воспитании народа“.

Оглядываясь на пройденный путь, большие и малые литераторы должны сегодня решать одну задачу: создать еще более прекрасные произведения, достойные духовной красоты советских людей, создать „изобилие духовной культуры“.

Ныне все прогрессивное человечество земного шара выступает под знаменами борьбы за мир. Лагерь мира, демократии и социализма, возглавляемый СССР, крепнет и растет.

Усилия всех народов мира, чьи подписи под Стокгольмским воззванием являются грозным предупреждением агрессорам, сорвут бредовые замыслы англо-американских империалистов, вынашивающих планы новой мировой войны.

На долю советских писателей выпала честь стать певцами мира, срывать маску с англо-

американских поджигателей войны. Советская литература, по духу своему миролюбивая литература, создала ряд замечательных произведений, в основе которых лежит сталинская идея борьбы за мир. К мощному многоголосому хору певцов борьбы за мир присоединился и голос ивановских писателей. А. Благов, М. Кочнев, Л. Кудрин, И. Озеров, В. Воробьев и другие сложили стихи о мире.

А. Благов в стихотворении „Слово ткачихи“ пишет:

Иду на смену по гудку,
От всей души берусь за дело.
Не для войны,
Для мира тку
Я эти метры ткани белой.
Мы будем ткать.
Врагам в ответ
Поднимем выше
Наше знамя.
Другой на свете силы нет,
Чтобы могла сравниться с нами.

В стихотворении „Слава труду — созидателю жизни“ А. Благов, говоря о борьбе за мир, заявляет:

Небо спокойное,
Чистые зори,
Добрые земли
От моря до моря —

Это советские наши края,
Родина счастья,
Отчизна моя.

Советские писатели — самые счастливые, самые передовые писатели мира. Они призваны неустанно повышать свой идейно-политический уровень, совершенствовать свое мастерство, нести глубокую моральную ответственность перед народом в каждом новом произведении. Стать достойным певцом великой эпохи великого Сталина — благородный долг каждого советского писателя.

Дм. ФУРМАНОВ В ИВАНОВЕ

МИТЯЙ

Середа — грязное, полунищее село бывшей Костромской губернии. Тяжела и однообразна была здесь жизнь: один день похож на другой, и казалось — впереди нет просвета.

Поздней осенью, 25 октября 1891 года, в этом селе родился Дмитрий Фурманов. Жизнь неласково встретила будущего писателя, обернувшись к нему самой неприглядной стороной. Она не подарила ему „счастливую, невозвратимую пору детства“, и Дмитрий Фурманов мало что мог рассказать отрадного и светлого о своих ранних годах.

„Я свое раннее детство помню в жалких обрывках“, — писал Фурманов в автобиографии. Немногим больше он записал по этому поводу и в дневник: „Смутно помню жизнь

в 6—7 лет, когда был я заводиловкой всех драк. Не раз доставалось мне от отца, который был чрезвычайно крут — бил и меня нещадно“.

Отец Фурманова, Андрей Семенович, был безлошадный, бездомный, многодетный крестьянин. Когда родился Митя, много прибавилось забот. Надо было работать, выбиваясь из последних сил, чтобы кормить семью, платить за квартиру и вдобавок еще прислуживать трактирщику Милову, у которого в двух комнатках ютились Фурмановы. Андрей Семенович нервничал, порой срывал злобу на жене и детях: это был искалеченный жизнью человек. Ему хотелось вывести детей в люди, но нищета разрушала все замыслы. Остаться в доме Милова — значило обречь себя и детей на верную гибель. И Андрей Семенович в 1897 году, когда Мите исполнилось шесть лет, со всей семьей едет в Иваново-Вознесенск. Открытая им небольшая чайная почти не давала доходов. Дела шли плохо, Андрей Семенович залезал в долги. Осенью 1913 года он умер. Мать Дмитрия Андреевича, Екатерина Васильевна, распродала последний домашний скарб, так как к ней явились темные дельцы, требуя уплаты долгов, и доверчивая женщина отдала им все, что у нее было.

Глубокой грустью и печалью проникнуты воспоминания Фурманова о родителях. Правда, по первым детским впечатлениям отец представлялся ему „чрезвычайно крутым“, но позднее он понял, какие тяжелые испытания достались на долю этому изломанному жизнью человеку. Трудолюбие и безупречную честность своих родителей сын не только высоко ценил, но и прочно унаследовал, и это спасало Дмитрия Андреевича в самые критические моменты его жизни.

Родителей Дмитрий Андреевич горячо и нежно любил, о чем красноречиво говорят публикуемые ниже письма.

20 ноября 1914 года он написал матери письмо, полное самых искренних, трогательных чувств:

„Здравствуй, милая мама!

Год назад умер папа. Помню, как приехал я к нему — умирающему, все помню, до последнего движения, до последнего вдоха. Окружили мы его всей семьей, с минуты на минуту ждали последнего вдоха. Какой он лежал изможденный, худой — даже теперь как-то жутко вспомнить. Не понял я только, да и теперь не могу припомнить и понять, — узнал он меня тогда или нет. Ведь сами мы подняли его слабую руку, а он едва ли уже

понимал, что с ним делали... Помню, как кричал я ему: „Папа, папа! Митя приехал, я приехал!“. Но ничего он мне тогда не ответил, только что-то невнятно и глухо проговорил в ответ... Если только он узнал, — это мне будет лучшим утешением и самым дорогим воспоминанием о последних днях его жизни“.

Вслед за этим Дмитрий Андреевич отправил матери еще письмо:

„Дорогая, милая мама!

Захотелось приласкаться, прижаться к вам поплотней, чтобы ощутить и материнскую ласку и общую нашу семейную любовь. Нападет вот такая минута, что почувствуешь себя вдруг одиноким, куда-то заброшенным... Грустно делается. Слезы выступят на глаза... Что тут делать, чем помочь? Ни чем не можешь, все переживется само собой, все перестрадается и уляжется со временем... Но теперь-то, теперь-то вот тяжело... Пишу и мыслью весь с вами. Вижу дорогие лица, слышу голоса. Но тряхнешь головой и сон пропадает: снова один, снова пусто кругом, одиноко... Итти бы теперь на родную могилку, под зеленые, кудрявые тополя; упасть бы на колени перед дорогим прахом и, молча, перестрадать свое горе у его зеленой могилки. В душе длинной вереницей тянутся прош-

лые дни. Оживает дорогой образ, и снова мы вместе — все вместе, всей семьей. Он среди нас, лицо радостное, душа спокойна и довольна... Ведь он только и любил, только и ждал, когда вот соберутся все, когда он будет говорить то с тем, то с другим. Вся радость была в этом... И так рано, так скучно покинул нас: в глухую осеннюю пору, когда осыпались деревья, падали шумно увядшие желтые листья и грустно, до боли грустно кружились по земле. И он увял, как осенний лист.

Унесли, похоронили, и не стало дорогого, любящего папы, вечного труженика, сгорбленного, поседевшего работника... засиротели мы, поникли все как-то грустно... Это было в ненастную осеннюю пору... Все уходило, все умирало... ушел и он... Покойся, благородная чистая душа... Помянул вот дорогую память — и легче стало, словно и вправду побыл у него на могилке...

Все пережил, все вспомнил разом, и разоренное наше гнездо... Прощайте, посылаю вам свою любовь и теплую ласку“.

Фурманов рос человеком с пытливым, критическим умом, человеком, наделенным большой наблюдательностью, взволнованными чувствами и фантазией.

Митяй! — так звали Дмитрия Андреевича и те, кто дружил с ним в детстве, на иваново-вознесенских пыльных улицах, и те, кто был близок к нему на фронтах гражданской войны, и те, кто встречал его на писательском поприще в Москве. Имя это как-то особенно шло к Фурманову, жизнерадостному, отзывчивому человеку, с живыми, пронизательными глазами и ярким румянцем на щеках.

С детских лет возникла у него мечта стать писателем. С жадностью читает Митяй книги, особенно русские народные сказки и фантастические повести. Любил Фурманов читать и русских классиков — Тургенева, Толстого, Григоровича. Очень нравился ему „Антон Горемыка“ Григоровича.

С одиннадцатилетнего возраста Митяй начал вести дневник, занося туда все, что казалось ему занимательным и интересным. Теперь, когда перелистываешь эту пожелтевшую от времени летопись Митяя, находишь в ней и беглые заметки, и небольшие литературные зарисовки, и стихи. Одна из страниц дневника его юности начинается так: „Почему же мне не приняться и не написать повесть о себе. Я в душе поэт, я пишу стихи, люблю литературу, терзаюсь за русский язык,

очень ревную порою к нему приближающихся, но, повидимому, недостойных... На свое будущее я смотрю спокойно, мне думается почему-то, что я должен сделаться писателем — и обязательно поэтом“.

Поэтом Дмитрий Андреевич не стал, хотя и писал стихи. Прозаик же из него вышел замечательный. Но произошло это не раньше, как через 20 лет после того, как впервые у Митя зародилась мечта стать писателем.

Прежде чем созрел литературный талант и была написана прекрасная книга „Чапаев“, Дмитрию Андреевичу пришлось пройти сложный, порой извилистый и мучительный жизненный путь: пережить сумятицу политических исканий, побывать на фронтах первой империалистической войны, стать славным комиссаром Чапаевской дивизии и только после этого занять почетное место в ряду советских писателей.

Юность Митя полна больших перемен и бурных исканий. Жил ли он в Иваново-Вознесенске, учился ли в Кинешемском реальном училище, слушал ли лекции профессоров Московского университета, — его не покидала мысль найти свое место, стать наиболее полезным человеком, не покидало стремление понять цель и смысл жизни. Одно из его не-

опубликованных юношеских стихотворений (1914 год) отражает эти внутренние искания мятущегося человека:

Я слишком поздно начал думать,
Полжизни прожил я в мечтах,
Труда упорного чуждался
И жил на рифмах и словах.
Я говорил, не уставая,
Я книги на лету глотал,
Но из узлов нерасторжимых
Ни одного не развязал...
Нет, нет, довольно... мыслью новой
Хочу я сердце оживлять.
Чтоб было мне за что поспорить,
Чтоб было мне за что страдать.

Можно безошибочно сказать, что жизнь Фурманова в дореволюционный период прошла под знаком двух последних строчек приведенного стихотворения. Не связанный еще с революционным движением, не знакомый с марксистской литературой, он проходил по жизненному пути ощупью, мучительно досадуя на сделанные ошибки и восторженно радуясь при приближении к истине.

В друзьях детства и юности Митяй недостатка не знал, но мало кто из них оставил в нем сильное впечатление, а тем более мог бы оказать на него влияние. Единственным другом юности была дочь иваново-вознесен-

ского брандмейстера Наташа Соловьева, с которой в течение многих лет у Дмитрия Андреевича укрепились самые светлые, дружеские связи. Познакомившись с историей этой юношеской дружбы, мы еще яснее почувствуем обаяние Фурманова, красоту его характера и творческого ума.

В новогоднюю ночь 1908 года в одном иваново-вознесенском клубе состоялся маскарад. Среди присутствующих выделялась простая деревенская девушка в ярком цветистом сарафане. В течение всего вечера она разговаривала, танцевала только с Наташей Соловьевой. Лишь в конце маскарада выяснилось, что в костюме крестьянки был Митяй.

Так произошло знакомство Дмитрия Андреевича Фурманова с Наташей, на долгие годы ставшей его замечательным другом, которому он спешил высказать свои сокровенные мысли.

Семья Наташи приехала в Иваново-Вознесенск в 1907 году из г. Твери. Отец ее был любителем семейных вечеринок, где молодежь разыгрывала небольшие пьесы, пела романсы и песни, читала стихи. Скоро на вечеринках в доме Соловьевых стал появляться и Дмитрий Андреевич, оказавшийся общительным, живым собеседником, певцом, музыкан-

том, декламатором и прекрасным исполнителем ролей в маленьких сценках. Друзья от души хохотали, когда Митяй исполнял роль чеховского дачного мужа или особенно удававшиеся ему женские комические роли. Он играл на гитаре, пел. А порой поднимался со стула, ерошил свои курчавые волосы и с горящими от волнения щеками начинал горячо декламировать. В то время он любил Рылеева, Никитина, особенно Некрасова, главным образом те их стихотворения, в которых отчетливо звучали гражданские мотивы.

Дмитрий Андреевич горячо любил свою родину, ее природу, язык, поэзию, музыку, людей труда. В то же время, как подлинный патриот, он тосковал, видя, как на его родине свили себе гнездо беззаконие, бесправие, видя нищету одних и богатство других. В долгих беседах с Наташей возмущенно говорил он о несправедливости государственного строя России, хотя тогда еще сам крайне смутно представлял себе, что нужно было сделать для счастья и процветания отчизны. Он жил лишь непосредственными впечатлениями, высказывал неясные мысли, обнаруживавшие, однако, пытливость юношеского ума. Насмотревшись на глупых выскочек, делавших себе карьеру при помощи денег, Дмитрий

Андреевич с горькой иронией и мучительным сожалением говорил Наташе:

— Для жизни нужны золото и шпоры, без денег умница — дурак.

Часто звал он Наташу поехать вместе в Сибирь:

— Поедем туда: в Сибирь сосланы лучшие люди, которые многому научат нас, там и мы станем чище, да и наши скромные знания принесут добрую пользу. Ах, если бы ты знала, как мне хочется встречать людей твердых убеждений...

Поехать в Сибирь ему не удалось.

Окончив Ивановскую торговую школу и желая продолжать учиться, Дмитрий Андреевич в 1910 году поступил в Кинешемское реальное училище (в 6-й класс), а Наташа вскоре уехала из Иваново-Вознесенска в село Новинское, расположенное в пяти километрах от г. Родников, где до 1916 года заведовала начальной школой. Встречи стали реже, но горячее, началась частая переписка. Митяй посылал любимой девушке длинные письма, стихи, иногда рассказы. Он посвящал Наташе немало лирических стихов. Приведем часть одного из больших его юношеских стихотворений. Оно послано Наташе 20 ноября 1913 года с припиской: „Напишите мне,

дорогой друг, ведь вы для меня всех ближе и дороже, я понял это лишь теперь, но понял до боли. С каким нетерпением я буду ждать — один только я знаю“.

Знать годы не сотрут живых воспоминаний, —
Они священной тайной в душу мне легли;
Живут они в борьбе, в тоске моих рыданий,
Живут они в туманной, призрачной дали.

Как будто ты пришла затем, чтоб чашу горя
Веселою рукой, как фея, расплескать,
Как будто ты пришла затем, чтоб волны моря
В душе моей заставить биться и рыдать.

Я видел все с тобой, я все узнал с тобою:
И нежный запах роз и страшный рев волны,
Я видел листопады осенью глухую
И пробужденный мир красавицы-весны...

Хотел бы я забыть, но позабыть нет силы,
Хотел бы не любить, — напрасно... не могу.
И, как цветочек милый от родной могилы,
Я на душе тебя храню и берегу.

В стихах Фурманов часто жаловался на свой „неотверделый путь“, на неясность своих жизненных целей, высказывал порывы к действию. Но эта неясность целей никогда не приводила его к мрачным выводам: выручало жизнелюбие. Так, стихотворение, адресованное Наташе (1913 год), он заканчивает гимном солнцу, олицетворяющему все светлое и живое:

Ты гори, гори, солнце ясное,
Путь мой радостью освещаючи.
Я люблю тебя за любовь твою,
За огонь лучей в утро майское.

В каникулы Фурманов уезжал в село Новинское повидаться с Наташей. Это были лучшие дни отдыха; подолгу они бродили по лесу, катались на лодке, вели длинные дружеские беседы. Митяй любил петь: иногда по утрам пел он арию Ленского о дне грядущем; у старой мельницы, на краю села, вспоминал арию князя из „Русалки“. Бродя в окрестностях с большой сучковатой можжевельной палкой в руках и в широкой соломенной шляпе, он напевал задумчивые русские народные песни.

Одевался Дмитрий Андреевич просто, да, собственно, и не во что было особенно разодеться. Жил он только на те гроши, которые зарабатывал, давая уроки отстающим ученикам. Недаром он долго носил подаренные кем-то потертые клетчатые брюки, а когда ему удалось сшить вельветовую толстовку, он сказал Наташе: „Вот, смотри, теперь я необыкновенно наряден“.

В 1912 году Фурманов из Кинешмы вырвался в Москву. Его давно манил Московский университет. Там он надеялся от известных

профессоров услышать разгадку наболевших вопросов.

Поступив вольнослушателем на юридический факультет, Дмитрий Андреевич скоро разочаровался: его не могло заинтересовать изучение свода царского законодательства и других не менее сухих и скучных предметов.

Вскоре Фурманов перешел на историко-филологический факультет.

В Москве он попрежнему жил на грошовый заработок от уроков, питался, перебиваясь е хлеба на воду, а в поисках дешевого угла нередко перебирался из одной комнаты в другую. Впрочем, на нужду Фурманов мало обращал внимания. Ни в одном письме к Наташе или к родителям не жаловался он на плохое житье-бытье. Его угнетало другое: Московский университет с его профессорами не мог дать ему ответа на волнующие вопросы. „Мне хочется крикнуть кому-то, — записывает он в дневник, — проклясть кого-то навсегда, злобно, жестоко... На душе тяга... Чувствую свое одиночество, нет друзей, не могу подойти к ним, серые, безликие они, погрязшие в житейских вопросах. А большие вопросы, которые изгрызли мою душу, их не интересуют“.

В таком настроении Фурманова застала первая мировая война.

Что делать? Как определить свое место в этом большом народном бедствии?

В первые месяцы войны студенты старших курсов получали отсрочку по мобилизации. Но не это нужно было Фурманову: он, не желая больше оставаться в университете, покидает его навсегда.

БРАТ МИЛОСЕРДИЯ

Когда Фурманов бросил университет и решил отправиться на фронт братом милосердия, он почувствовал себя как бы обновленным; ему казалось, что новое поприще откроет многое в жизни... Мировая война, действительно, стала для Дмитрия Андреевича „пограничным столбом“ и явилась большим этапом в его жизни.

В то время он не понимал ни целей войны, ни ее империалистического характера. Его охватило одно желание — хоть чем-нибудь помочь родному народу. Но как, чем, какими путями, — это не всегда было ясно Фурманову. Братом милосердия он стал с тех пор, как сел в санитарный поезд, надев белый халат; но, пожалуй, и до этого он был бра-

том милосердия в жизни. С каким упоением описывал Фурманов матери в одном из своих писем, как он ходил в поле и помогал крестьянам убирать хлеб!

Анна Никитична Фурманова в своей книге о писателе рассказывает, как однажды Дмитрий Андреевич, идя по Тверскому бульвару, услышал грубую ругань полицейского, кричавшего на жалкую, бедную девушку; движимый желанием помочь ей, Фурманов вступил в спор с полицейским. Этим вмешательством он ничем не помог оскорбленной девушке, а сам попал на трое суток в арестный дом.

— Чорт вас побери! — кричал он надзирателю. — За что вы меня посадили? За то, что я вступился за девушку, несчастную, избитую, которую оскорбил ваш чин.

— Не ругаться, а то в морду получишь! — коротко ответил надзиратель и пригрозил юноше тюрьмой.

Когда на полях сражений полилась народная кровь, Фурманов не мог больше оставаться в университете. О своих чувствах, настроениях, рожденных новой обстановкой, он торопится сообщить Наташе и своей матери.

26 октября 1914 года он писал: „Здравствуй, милая мама... Мне придется ездить с сани-

тарным поездом и перевозить раненых из города в город. Решил я это дело крепко, так что, дорогая мама, ничего меня не упрашивай. Время такое, что помогать надо, чем только можешь“.

Более пространно об этом он написал 29 октября того же года Наташе. Вот часть его письма:

„Скажу тебе новость. Лишь только приехал сюда, на следующий же день записался в братья милосердия и работаю теперь в лазарете при городской больнице. Дела много и потому не скучаю. Приходится иногда сидеть напролет ночи подле тяжело раненых... По окончании занятий я уеду на войну, это будет, вероятно, недели через две-три... Жаль маму, тебя... это самое дорогое, самое близкое... Что уезжать тяжело и больно — об этом, конечно, и говорить нечего. Но что-то влечет меня туда неудержимо. Мысль теперь созрела и окрепла, и не изменю я ей. Увидела бы ты меня теперь в белом халате — не мало подивилась бы. Создалась какая-то хорошая, святая цель, и я отдался ей всею душой. Так и чувствуешь каждую минуту, что здесь вот, за работой, ты приносишь какую-то необходимую, слишком нужную пользу. Понимаешь всем существом своим, что

сделался вдруг хоть и маленьким, но необходимым винтиком в этой огромной машине общественной жизни. На душе постоянная радость, жизнь осветилась высшим смыслом, и теперь нет доступа в мою душу ни тоске, ни печали, она полна другим, полна делом... и тобой. Да, тобой она полна, и это совсем не нарушает единства, даже как-то полнее чувствую и необходимость общей работы... Долгие ночи сидишь вот в палате и слышишь только постоянные стоны да глубокие и тяжелые вздохи... „Братец“ — простонет больной. Подойдешь, поможешь ему, снова все тихо... Мысли медленно плывут в голове и уносятся как-то неведомо к тебе... Я вижу Новинское, вижу тебя...”

В эти годы Фурманов попрежнему продолжает писать стихи, рассказы, художественные зарисовки.

Во всех его литературных произведениях чувствуется гуманное отношение к бедному люду. В одном из маленьких рассказов он описывает смерть жены крестьянина и его переживания.

В другой зарисовке описана девочка из бедной семьи, обреченная царизмом на горькие скитания и нищету.

Фурманов разъезжает в санитарном поезде

с фронта на фронт, пытливо приглядываясь к встречающимся людям, любясь разнообразием природы, и шлет об этом пространные письма матери и Наташе. С каким восторгом описывает он светлые ночи Урала, гроздящиеся горы, дикую, суровую, девственную красоту! А природа Кавказа! Она даже в самых мелких деталях не ускользает от строгого глаза Фурманова, оставляя неизгладимое впечатление.

Однако Дмитрий Андреевич все более и более чувствовал неудовлетворенность своими делами.

Ему немного понадобилось времени, чтобы разглядеть несправедливость и пагубность для народа империалистической войны. Без теорий и книг, по непосредственным личным наблюдениям, он понял, что приближается серьезная перемена в судьбах России, хотя и не отдавал себе отчета в том, во что она выльется.

Когда он писал Наташе, что в лазаретных делах у него „создалась какая-то хорошая, святая цель“, то это был лирический восторг, захвативший его в связи с нахлынувшими событиями войны. Разочарование наступило скоро.

В конце 1914 года Дмитрий Андреевич отправил матери письмо.

Вот что сообщалось в этом интересном письме.

„Здравствуй, дорогая мама!

Знать, везде такая же сумятица, как и у нас, грешных. Вы говорите о слякотной, дождливой погоде, а мы уж так привыкли к ней, что забыли, как светит солнце. Праздников здесь, собственно, нет, потому что нет колоколов и некому извещать о том встревоженных жителей, но есть здесь свои, особенные, чисто военные праздники. Первый праздник — это солнечный, теплый день, но такие праздники редки; второй праздник — телеграмма о том, что врага поколотили и наши продвигаются вперед, и, наконец, третий праздник — весть о том, что провизией мы обеспечены на целый месяц. Таковы праздники военного времени... Деревенька, где стоим, — напомнила мне такое же грязное, глухое местечко на Кавказе, именно Джульфу. Вы, вероятно, помните Джульфу — я писал вам о ней неоднократно. Вот и здесь: та же непролазная грязь, та же тоска, только взамен кавказской тишины здесь погромыхивают раздражительные и торопливые пулеметы. Ни туда, ни сюда. Враги застыли в ожидании, разделенные топями и болотами. Никому не хочется первому напороться на нож, — сидят и ждут. А чего

тут дождешься, когда с места стронуться невозможно? Теперь вот на юге разыгрались большие события; наши быстро продвигаются вперед, захватывая массу пленных, оружия, орудий и провианта. Все это, конечно, известно вам и по газетам, нового я ничего не сообщаю. Возможно, что в связи с этим крупным событием — начнутся дела и по всему фронту. Должна же, наконец, совершиться когда-нибудь эта последняя, страшная и решительная схватка. А жутко. Враг могуч и умен — живым в руки не дастся, дешево жизнь не отдаст. И думается, что на эту последнюю схватку — уйдут многие миллионы людей, потребуются страшная, дорогая жертва.

Сидишь вот и гадаешь, словно старушка на бобах, а на деле — на деле ничего-то я не знаю, ничего-то не понимаю я в этой драме. Да и кто что знает? Определенно сказать невозможно ни за один шаг: разбиваются в прах самые умные, самые глубокие и продуманные планы, а случайные ходы — поражают красотой и удачливостью. Вам гадать не приходится — вас питают газеты, поющие, словно поломанная шарманка, все одну и ту же фальшивую песню о нашем благополучии... Эта песня, как усыпляющая, коварная песня сирены — завела нас в Карпаты, откуда миллионы страдальцев

выбрались только потому, что они — русские и привыкли ко всякому горю. Будь на нашем месте другой народ — погиб бы целиком“.

Особенно замечательны здесь слова: „Будь на нашем месте другой народ — погиб бы целиком“. Фурманов видел богатырскую мощь русского народа, верил в его всепобеждающую, всевыносящую силу даже тогда, когда могучий народ был ввергнут в кровавый ад войны империалистическими заправилками России.

Много живых картин запечатлел он из жизни русского солдата, с негодованием говорил об обжорстве и карьеризме военных чиновников, о квасном патриотизме купцов, о царских прихвостнях, помещичьих детях, которые за золото откупались от военной службы, преспокойно наживаясь на несчастьи „миллионов страдальцев“.

Вскоре Фурманов решил расстаться с работой в санитарном поезде и во что бы то ни стало избрать такое поприще, на котором можно было бы действовать, не ограничиваясь только одним милосердием.

Уже 15 ноября 1916 года Дмитрий Андреевич поведал в письме к Наташе о душевном разладе:

„К моему глубокому сожалению, все по-

мысли и мечты, кажется, потерпят крах... Ты говоришь о широком поприще. Сам я жил только им одним, только и мечтал все, когда дотронусь до настоящего, живого дела. И странно получилось, словно я ошибся в выборе, пошел не туда: такое теперь равнодушие к намеченному делу, такое безразличие, что честному человеку и не стоило бы даже продолжать при такой скудной наличности интереса и любви... Я говорил тебе, что лазаретная работа захватила, что душу всю мою заполнила — так это, кажется, я только сам себя уверил и обманул, на деле — не то..."

Но как всегда в минуты мучительного разочарования, Дмитрий Андреевич не падал духом, не отдавал себя во власть упадочнических настроений, а настойчиво искал выхода, искал живой, действенной работы.

Куда же, однако, можно было уйти из лазарета.

Иваново-Вознесенск, город ткачей, — вот куда с неудержимой силой потянуло Фурманова. Дыхание надвигающейся социальной бури заставляет его быстро принять решение. В середине 1916 года он записывает в дневнике: „Скорей, скорей, в Иваново! Где-то буду я на будущий год? Неужели к тому времени все уже кончится, и наладится мир-

ная студенческая жизнь? Нет, не верю. Одну бурю сменит другая, и я умчусь в этом вихре, водовороте, еще более неудержимом и страстном...“

С такими настроениями он приехал в Иваново-Вознесенск, где началась для него новая жизнь.

ДМИТРИЙ ФУРМАНОВ — КОММУНИСТ

О, мой друг, не мечта этот светлый приход.
Не пустая надежда одна.
Оглянись: зло вокруг чересчур уж гнетет,
Ночь вокруг чересчур уж темна.
Мир устанет от мук,
Захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбой
И поднимет к любви, беззаветной любви,
Очи, полные скорбной мольбой.

„Вот оно — пророчество молодого, чуткого поэта. Мир устал от муки и поднялся могучей волной добывать украденное счастье“.

Эти строчки стихотворения Надсона и свое замечание к ним Фурманов вписал в дневник в самые первые дни Февральской революции. Можно себе представить, как опьяняюще действовали на него быстро развивающиеся события, как быстро отзывалось его чуткое сердце на невиданные дела и неслыханные

речи. Страницы дневника в эти дни дышат восторгом, изобилуют самыми пылкими фразами; он торопится записать все, что видел и слышал за день.

И все же Февральская революция застала Фурманова врасплох: он оказался неподготовленным для того, чтобы сразу войти в круг событий и определить в них свое место. Он еще продолжал жить больше сердцем, чем рассудком; будучи мечтательно настроенным, не разбираясь в ряде важнейших политических вопросов, он допускал серьезные и досадные ошибки.

Нет никаких оснований замалчивать ошибки Фурманова; во-первых, потому, что он искупил их честной, большой и талантливой работой, во-вторых, путь Фурманова к народу, к большевикам — это ведь путь не только лично его, а целого слоя интеллигенции, прошедшей через ряд политических колебаний. Фурманов — яркая историческая фигура среди той части интеллигенции, которая, преодолев свои ошибки и колебания, навсегда осталась прочно спаянной с народом.

Путь Фурманова к большевикам был противоречив и извилист: несколько месяцев он пробыл в партии эсеров. Не связанный в прошлом ни с одной подпольной организа-

цией, не знакомый с трудами классиков марксизма, представляющий себе счастливое будущее народа по туманным стихам Надсона, — Фурманов был уверен, что это счастливое будущее непременно придет, но как, когда оно придет, кто и как его будет завоевывать — этого он, конечно, еще не знал. События развивались настолько быстро, что трудно было осмыслить их сразу. В жизни Фурманова наступил самый тяжелый период, названный им „шараханьем из стороны в сторону“.

Чтобы преодолеть политические колебания, нужны были искренность, беспощадно-разоблачительное отношение к самому себе, трезвая, объективная оценка всех своих действий и взглядов, острая наблюдательность. Но не только это помогло Дмитрию Андреевичу быстро распознать предательскую сущность буржуазных партий.

Одним из важных моментов, сыгравшим в его судьбе значительную роль, была его общественно-революционная деятельность, кровно связанная с насущными интересами народа. С первого дня организации Ивановского Совета рабочих и солдатских депутатов Фурманов полностью отдается работе в Совете. От эсеров он отшатнулся с чувством

брезгливости и презрения. Очень быстро он распознал их как политических лжецов, позеров, предателей. 12 марта 1917 года он дает им в дневнике такую характеристику:

„Подобных людей занимает почетная роль главаря, председателя, организатора — и только... Они тупые, неразвитые люди... совершенно бесчестные. Поэтому-то среди подобных говорунов оказывается так много провокаторов“.

Фурманов работает в Совете не покладая рук. То он едет с лекциями и докладами в Шую, Лежнево, Кинешму, Кохму, то готовит текст резолюции заседания Совета, то выступает на митингах среди рабочих ивановских фабрик, стремясь как можно больше принести пользы народу. Вот почему с таким чувством омерзения относился он к тем, кто предавал интересы народа. В марте 1917 года в Иваново-Вознесенском Совете стали обнаруживаться провокаторы. „И что они получали за это?“ — спрашивает Фурманов и с горечью отвечает, занося в дневник очередные впечатления: „15 рублей, собачью кличку и характеристику приблизительно в таком виде: „Лямка: 15 рублей, глуп, исправен, жаден, просит прибавки. Вот и всё“.

Литературные занятия Фурманова в это

время отходят на второй план. Но его стихи и рассказы становятся более целеустремленными, носят ярко выраженную общественную окраску. На страницах печати время от времени появляются его стихи, чаще всего посвященные революции. Так, в феврале 1917 года он писал:

Тише. Огромное чудо свершается,
В темном лесу великан пробуждается,
В темном дремучем лесу.
Он еще дремлет под шапкой мохнатою.
Он еще сердцем и мыслью крылатою
Солнца не знает красу...
Тише. Проникнитесь думой глубокою:
С мудрой душою и мощью огромною
Встанет гигантский народ.
Встаньте торжественно, в полном молчании,
Дайте дорогу, в пурпурном сиянии
Новая сила идет.

Среди других литературных произведений Фурманова особенно выделяется его „Легенда об унглах“, напечатанная 25 ноября 1917 года в газете „Рабочий город“.

„Легенда об унглах“ — это гимн народу, сбросившему многовековое ярмо кровожадного Крафта, царского самодержавия. Легенда была напечатана единственный раз; неизвестно, почему она не входила в собрания сочинений Фурманова и поэтому оказалась

незаслуженно позабытой. Между тем „Легенда об унглах“ замечательна не только по своему содержанию, но и по силе художественной выразительности. В ней нельзя не видеть плодотворного влияния произведений Горького.

В легенде рассказывается, как народ ценой больших лишений, страданий и борьбы обрел себе новую жизнь, свободу и независимость.

В те дни город ткачей переживал самые разнообразные события, свидетелем которых был Фурманов; тут и организация всякого рода общественно-политических мероприятий в Совете, тут и шантаж политиканов и авантюристов, зверства тех, кто ни за что не хотел, чтобы народ был свободен. Вот как описывает Фурманов в дневнике от 14 апреля 1917 года банду головорезов:

„Совершаются ужасные дела. Каждую ночь вырезают несколько человек. Резня началась еще две-три недели назад. Верст за 30 отсюда (Шуя) была вырезана семья... Одну девушку зарезали среди бела дня. Милиционер был зарезан в людном квартале — у станции. Вся резня... производится в рабочей среде. Не тронут ни один фабрикант, торговец... Всех ошеломило известие об открытии шай-

ки. Поймали мальчишку лет 17-ти, хотели расстрелять на месте, но потом перепугали пыткой... Мальчишка осатанел от ужаса и выдал соучастников... Огромная шайка скрывалась в подземельи с массой тайных ходов, где было проведено и электричество и телефон. Катакомбы рылись много лет, земля принадлежала кулаку-староверу, занимающемуся между прочим скупкой краденых вещей. Старика, сына и зятя увели под конвоем. Многих отыскивали в сене, в печах, в гробах, которые стояли в подземельи. Дом хотели поджечь, но страшный ветер заставил остановиться. Город замер в страшном ужасе.

Всюду плачут и трепещут, не спят ночи — сидят и ждут.. Напряжение достигло апогея... Детишки плачут, старшие сидят с возбужденными лицами, с горящими глазами..."

Тревожное было время. Контрреволюция распоясывалась, поднимала голову. И если банда головорезов вызывала ужас в городе, то известия о корниловщине выводили людей из равновесия, так как все хорошо понимали об опасности контрреволюции, стремящейся уничтожить революционные начинания.

По утрам у здания окружного суда, где помещался Ивановский Совет, толпами собирались рабочие и воспаленными от бессон-

ницы глазами читали свежие телеграммы, расклеенные по забору. Фурманов не выходит из Совета, спит там на столе. Впрочем, какой тут сон, когда ежеминутно раздавались телефонные звонки.

При Совете рабочих и солдатских депутатов создается „Штаб революционных организаций“; 11 сентября 1917 года состоялось его первое заседание, на котором присутствовал и Дмитрий Андреевич. Заседание проходило конспиративно, в маленькой комнате. Люди напряженно думали и спорили о том, где и как достать оружие, чтобы вооруженной борьбой отстоять демократические права. Обстановка в городе становилась все более накаленной, а тут еще ивановские купцы Латышевы и Куражевы, поддержанные черносотенцами, пробирались на людные митинги и агитировали против кооперации, против Советов.

Но никакое остервенение врагов революции не могло сломить воли ивановских текстильщиков, руководимых Советом и партией большевиков. Борьба с фабрикантами, голодом, разрухой, сплетнями, провокациями велась непрерывно. Ткачи шли к окончательной победе. В дни Всероссийского съезда Советов — 18 июня в Иванове состоялась бурная

демонстрация, прошедшая под лозунгом „Вся власть Советам!“.

На фабриках и заводах участились конфликты между рабочими и промышленниками, стачки вспыхивали то на одной, то на другой фабрике и сливались в единый поток: текстильщики Иванова, Кинешмы, Шуи, Лежнева, Кохмы дружно поднялись на борьбу за социалистический строй, за власть Советов.

Город ткачей многому научил Фурманова, который вращался в водовороте революционных событий, играя в них не последнюю роль. Дмитрий Андреевич оказался в Иванове первым среди тех счастливцев, которые узнали о свержении Временного правительства, о Великой Октябрьской социалистической революции. Вот как он записал в дневник свое впечатление об этих великих днях:

„Передаю только самое, самое главное. Вчера было заседание Совета. Последние дни и в рабочих массах и в полку мы готовили товарищей к событиям, которые можно было предвидеть... Часов в 8 вечера я звонил в Москву. Редактор „Известий Совета“ сообщил:

„Временное правительство свергнуто...“

Помчался, как оглашенный, в Совет, сообщил...

Неистовый взрыв радости, аплодисментов, несмолкаемых криков восторга“.

Тут же на заседании Ивановского Совета был избран Революционный штаб из пяти человек под председательством Фурманова.

Возникали новые хлопоты: надо было во всех учреждениях установить контроль от Революционного штаба, реквизировать средства передвижения, активно бороться против саботажников, навести в городе революционный порядок.

Практические дела в Совете с каждым новым днем выковывали в Фурманове черты стойкого, последовательного борца за интересы рабочего класса.

Огромную роль в сближении Фурманова с большевистской партией сыграл Михаил Васильевич Фрунзе, умевший прекрасно распознавать людей, ценных для революции.

Впервые на своем жизненном пути Фурманов встретил в лице Фрунзе такого человека, который произвел на него, как политик, борец и организатор, огромное впечатление.

23 февраля 1918 года в Иваново открылось первое пленарное заседание губисполкома под председательством М. В. Фрунзе. Дмитрий Андреевич занимал тогда пост товарища

председателя. Восхищенный Фурманов запечатлел в дневнике облик незабвенного „Арсения“:

„Это удивительный человек. Я проникнут к нему глубочайшей симпатией. Взгляд — неизменно умен: даже во время улыбки веселье заслоняется умом. Все слова — просты, точны и ясны; решения — смелы и сильны; доказательства — убедительны и тверды. Когда Фрунзе за председательским столом — значит что-нибудь будет сделано большое и хорошее“.

Благодаря М. В. Фрунзе Фурманов познакомился с учением Маркса, Энгельса, Ленина, и то, к чему всегда стремилось его сердце, теперь озарилось ярким светом научного коммунизма. Фурманов вздохнул всей грудью, перед ним раскрылся светлый путь, по которому он мог идти уверенно, видя ясную перспективу.

В начале июля 1918 года ночью произошла одна замечательная беседа Фрунзе с Фурмановым.

— Ведь вопрос для вас ясен, товарищ Фурманов? Вся ваша работа в Совете говорит за то, что вы, не состоя членом большевистской партии, все время проводили ее линию. Что вас еще смущает? — говорит

Фрунзе, пристально глядя в глаза Фурманову.

— Михаил Васильевич, — отвечает Фурманов, — я ведь всю революцию работал в Совете, пережил все этапы развития советской власти, эта работа мне стала родной и близкой.

— Знаю, ну, а теперь, когда тянуть больше нельзя, — как решаете вы? Может быть, бросите работу в Совете?

Фурманов подошел к Михаилу Васильевичу и глубоким проникновенным голосом сказал:

— Бросить работу в Совете сейчас, в такую критическую минуту? Нет, Михаил Васильевич. Я навсегда с вами.

Фрунзе поднялся с места:

— А ведь я был в этом уверен. Недаром я все время следил за вами, за вашей работой, и поэтому с легким сердцем рекомендую вас в нашу партию.

И вот 5 июля 1918 года в газете „Рабочий край“ Фурманов опубликовал заявление о своем желании быть коммунистом-большевиком.

Это заявление Фурманова окончательно подвело итог тому, что складывалось в нем в мучительных противоречиях на протяжении долгого времени.

В те дни он записал в дневник:

„Я — коммунист-большевик, если иметь в виду всю ту работу, что я вел за время революции. Всю революцию я рос политически и, наконец, дорос до ясного сознания своей кровной близости с научным коммунизмом.

Хочется работать, работать, работать. Откуда-то взялись новые силы, новая бодрость, огромное желание безустали трудиться...“

Эти строчки дневника в то время Фурманов писал вовсе не для того, чтобы их потом опубликовать. Это была исповедь Фурманова перед самим собой.

Но, допустим, его дневник мог куда-либо исчезнуть бесследно. И даже тогда у нас не было бы оснований не верить его искреннему желанию стать большевиком. Такой честный, прямолинейный и трудолюбивый человек, мечтавший в юности уехать в Сибирь, работавший с первого дня в Совете рабочих депутатов, написавший „Чапаева“, любивший свою родину больше всего на свете, мог оказаться только в подлинно народной партии большевиков.

Фурманов глубоко убедился на деле, на своих собственных страданиях и противоре-

чиях, что только большевистская партия выражает волю народа и ведет его к настоящей свободе и счастью, к расцвету народной культуры и искусства.

Всегда, во всех своих действиях Фурманов обнаруживал безупречную честность, самоотверженность и страстное желание жить и бороться во имя родины, во имя коммунизма.

С ПЕРОМ И ВИНТОВКОЙ

В тяжелое для социалистического отечества время вступил Фурманов в партию большевиков.

Характеристика этого времени дана в речи товарища Сталина на параде Красной Армии в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1941 года. Призывая разгромить зарвавшихся немецко-фашистских захватчиков, товарищ Сталин говорил:

„Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находились тогда в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было

Красной Армии, — мы её только начали создавать, — не хватало хлеба, не хватало вооружения, не хватало обмундирования. 14 государств наседали тогда на нашу страну. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы!“¹.

Трудно жилось в 1918 году трудящимся промышленных центров. Ивановские фабрики останавливались из-за отсутствия хлопка; спекулянты бешено взвинчивали цены; контрреволюционеры протягивали свои кровавые лапы, организуя заговоры, террористические акты и саботаж.

Фурманов был дни и ночи занят решением самых насущных вопросов. Остро чувствует он угрожающую страшной катастрофой обстановку, но непреклонная вера в разгром врагов не покидает его ни на одно мгновение.

„Носится в воздухе дыхание смерти, — записывает он в дневник, — нашей смерти, на-

¹ И. С т а л и н, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1950 г., стр. 38.

шей гибели. Все против нас: международная злая сила, германские победы на Западе, голод, недомогание... А все-таки горит, горит в душе и не потухает живая вера в то, что мы победим".

Большая общественно-политическая работа отнимает у Фурманова почти все время. Он совершенно забросил стихи, не сидит за отделкой литературных произведений и лишь урывками, на бегу, делает очередные дневниковые записи. Как секретарь губкома РКП(б) Фурманов был тесно связан с трудящимися массами, организовывал их на борьбу с врагом, на строительство новой жизни.

Вот хроника дел всего лишь за несколько дней.

13 сентября — Фурманов на партийном собрании в Шуе.

22 сентября он проводит уездный съезд коммунистов в Кинешме, выступает с докладом о конфискации буржуазного имущества.

27 сентября присутствует на заседании партийной ячейки в Лежневе; читает лекцию: „Как борются рабочие и крестьяне за социализм“. В зал большого дома бывшего фабриканта не могли вместиться все желающие послушать лекцию.

В полночь 28 сентября выехал в Тейково, 30 — отправился в Кохму.

Вернувшись 1 октября в Иваново, нашел на столе телеграмму из Вичуги:

„Первого — районный съезд. Высылайте представителя“.

Телеграмма из Вичуги шла пять дней. Фурманов бросается к телефону, говорит:

— Перенесите съезд с часу дня на шесть часов вечера, приеду с товарным поездом.

Но никакого товарного поезда не оказалось.

Опять к телефону:

— Отложите до полночи, выезжаю с вечерним...

4 октября — съезд в городе Середка.

На клочке бумаги Фурманов пишет порядок дня:

1. Цель съезда.
2. Доклады с мест.
3. О работе областной конференции и задачи партии в настоящий момент.
4. Выборы в уездный партийный комитет.
5. Текущие дела.

После Вичуги — Родники, потом Иваново, потом Юрьевец... сколько заседаний, съездов, сборов, сходов, и все нужных, необходимых.

В декабре 1918 года Фурманов командировается губкомом РКП(б) на работу в артил-

лерийские части Ярославской губернии, которые со дня на день должны отправиться на фронт. Здесь Дмитрий Андреевич проявил исключительную энергию, добившись повышения боеспособности частей и получив за это высокую оценку со стороны своего учителя и боевого товарища Михаила Васильевича Фрунзе. Огромная опасность нависла над советской землей. Все честные люди жили и работали с одной целью: как можно скорее положить конец кровавым притязаниям интервентов. Весь 1918 и начало 1919 года губернский комитет РКП(б) и Совет рабочих депутатов, возглавляемые М. В. Фрунзе, занимаются организацией частей Красной Армии.

1 августа 1918 года на объединенном заседании представителей губернского исполнительного комитета, городского Совета, профсоюза текстильщиков и фабрично-заводских комитетов с напряженным вниманием был заслушан доклад М. В. Фрунзе о текущем моменте. Собрание вынесло резолюцию, в которой говорилось: „1) Признать социалистическое отечество в опасности, 2) подчинить работу всех советских и иных рабочих организаций основным задачам настоящего момента“.

Неустанно кипела работа по отправке на фронт новых частей Красной Армии. Ткачи Иванова, Шуи, Лежнева, Кохмы, Кинешмы и других городов Иваново-Вознесенской губернии отправляли своих лучших сынов на защиту молодой советской республики от иностранных и белогвардейских войск.

В резолюции от 27 декабря 1918 года, принятой на пленуме Ивановской городской партийной организации по докладу М. В. Фрунзе, было записано:

„Сформировать из коммунистов и текстильщиков, рабочих, преданных делу революции, особый коммунистический отряд и передать его в распоряжение командующего армией, долженствующей проложить нам дорогу к туркестанскому хлопку“.

Отряд этот формировал сам М. В. Фрунзе, и вскоре, 31 января 1919 года, он во главе отряда отправился на борьбу с врагом.

В такие тяжелые для родины дни Фурманов не мог оставаться в тылу. Он стремится на фронт, чтобы плечом к плечу с ивановскими ткачами защищать советскую родину. Об этом стремлении рассказывает его дневник:

„Теперь пришел к разрешению вопрос большой важности, вопрос, над которым я долгими часами раздумывал, который все время

точил мои мысли. Вопрос о Красной Армии. Долго я носил в душе мечту о поступлении в Рабочую Армию, теперь эта мечта должна осуществиться. Нечего оттягивать дни — вопрос должен быть разрешен завтра же.

Мало теперь только одной любви к рабочим, мало одного сознания, что у тебя все самое святое и дорогое в защите угнетенных, обездоленных людей... Надо на деле показать, что ты во всякую минуту с ними и всегда готов бороться за их дело, на служение которому теперь ушло все, что есть честного и благородного...

Вчера вдохновенный Фрунзе своими огненными словами укрепил во мне правдивость моих взглядов и стремлений...“

Немного оставалось руководящих работников в Иванове, тем не менее Фурманов настойчиво добивается разрешения уехать на фронт и, наконец, получает его. Взволнованными словами прощается он с городом ткачей, со своей колыбелью коммуниста и писателя:

„Прощай, мой город! Не ударим мы лицом в грязь, не опозорим на фронте твое славное имя, твое героическое прошлое...“

В один из февральских дней 1919 года к старому полуразвалившемуся деревянному вокзалу собрались ивановцы проводить на

фронт второй отборный отряд, состоявший из тысячи лучших сынов и дочерей революционного города.

Трогательным было расставание.

Фурманов, возглавлявший отряд, произнес перед собравшимися ткачами прощальную речь. Тот, кто был тогда на вокзале, — никогда не забудет прощальных слов Митяя. Он стоял на неказистой трибуне, глаза его горели, слова жгли сердца слушателей.

Кто не знает славной работы Фурманова на посту политического комиссара легендарной Чапаевской дивизии? Об этом написаны статьи, поэты слагали стихи, а народ воспел Фурманова-комиссара в героических песнях-былинах. Но мало кто знает, как в коротких промежутках между смертельными битвами Дмитрий Андреевич торопился сообщить родному городу о героических буднях сражений.

В лице Фурманова формировался новый тип писателя, писателя-бойца, общественника, пропагандиста, пламенного агитатора. Находясь в боевой обстановке, он не бросил своего любимого литературного дела. Правда, времени для литературных занятий не хватало, писать приходилось урывками, в краткие промежутки между боями. Иногда даже по ночам

заношил он в свои записные книжки беглые зарисовки тех или иных эпизодов. Он знал, что ивановские текстильщики с нетерпением ждут с фронта вестей о героических сражениях их лучших сынов и дочерей с ненавистной белогвардейщиной.

Еще до отъезда на фронт Дмитрий Андреевич имел опыт журналиста: с первых дней революции становится сотрудником местной газеты. Теперь же, с 1919 года, он часто шлет в „Рабочий край“ разнообразные корреспонденции, среди которых много кратких писем, небольших статей и художественно-исторических очерков.

В одном из первых писем с фронта, напечатанном в „Рабочем крае“ 15 марта 1919 года, Фурманов рассказывает о разложении в стане врагов, об отказе целых полков сражаться против Красной Армии. 20 мая того же года в „Рабочем крае“ появляется сообщение о героическом подвиге одного командира, который, взяв с собой несколько красноармейцев, переправился через реку, умело произвел разведку под носом у неприятеля, потом „окружил деревню и с громким „ура“ ворвался в лагерь белых. Там поднялась невероятная паника... Белые опешили и без сопротивления были переловлены“.

Ивановские текстильщики воодушевлялись подобного рода сообщениями и с удвоенной энергией преодолевали разруху и голод, веря в неминуемую победу над белобандитами. Свои корреспонденции Фурманов присылал из Чапаевской дивизии, из далекого Семи-речья. Писал об угрозе немцев, о бандах Анненкова и Щербакова, о кулацких мяте-жах и заговорах.

Вот самый краткий перечень названий его корреспонденций, напечатанных в „Рабочем крае“ в 1919—1921 годах: „Вести с фронта“, „Вести с позиции“, „Как погибли гг. Чапаев и Батурин“, „Пилюгинский бой“, „Уфа и Уральск“, „Уфимский бой“, „В Семиречен-ской области“, „В тылу у белых“, „Кубан-ская и семиреченская контрреволюция“, „На Китайской границе“, „Ликвидация Уральского фронта“.

Однако Фурманов не ограничивался только фронтовыми темами. Помимо заметок с изло-жением исторических фактов, описанием ге-ройских поступков и действий Красной Армии, он нередко посылал в „Рабочий край“ статьи на самые различные общественно-политиче-ские темы. Например, в статье „Партийный мусор“ он говорит о шкурниках, примазав-шихся к партии, в статье „Значение первого

опыта" — о восстановлении народного хозяйства, раскрывает и такие темы, как „С кем идут рабочие Англии“, „Продовольственные перспективы“ и т. д.

Особенно интересны статьи Фурманова о необходимости собирать материалы по истории гражданской войны.

„Мы видели героизм великой армии, — писал он, — видели неменьший героизм много-страдального и глубокосолидарного тыла. Мы жили в неведомой дотоле экономической обстановке, которая вот-вот готова была обрушиться и загубить нас, но мы... из каждой новой битвы выходили победителями. Пора подводить итоги минувшему периоду“. („Помните про исторический материал“). 12 июля 1921 года еще раз он повторяет об этом в „Письме партийным товарищам“ („Рабочий край“, 8 октября 1921 года). Прекрасные способности пропагандиста и агитатора позволили Дмитрию Андреевичу ставить в газете самые волнующие, животрепещущие вопросы.

В „Рабочем крае“ он публикует такие материалы и очерковые зарисовки, которые впоследствии использует в своих лучших произведениях „Чапаев“ и „Мятеж“. Конечно, по своей художественной отделке газетный

очерковый материал является значительно ниже каждой страницы романа „Чапаев“. Но это вполне понятно: ответственной боевой обстановкой не позволяла шлифовать каждую фразу. Только впоследствии Фурманов пересмотрел все написанное, значительно расширил, черпая материал из своих записных книжек и богатой памяти.

Вот один из примеров того, как напечатанные в газете очерки были использованы впоследствии в романе „Чапаев“.

3 июня 1919 года в „Рабочем крае“ появился большой очерк Фурманова „Пилюгинский бой“, содержание которого сводится к следующему: 25-я Чапаевская дивизия вступает в бой с войсками Колчака. Дивизией руководят Чапаев и Фурманов.

Рисуя героизм чапаевцев и теплые симпатии к ним со стороны крестьянства, писатель показывает, как победа остается за славной дивизией Чапаева. Очерк этот впоследствии вошел в книгу „Чапаев“ как одна из ее глав, причем ход событий, подзаголовки и многое другое осталось без изменений.

Точно так же очерки „Уфимский бой“ и „Освобожденный Уральск“ вошли как главы в эпопею о гражданской войне.

Связь Фурманова с газетой „Рабочий край“

не прекращалась и в то время, когда он жил в Москве, целиком отдавшись литературному творчеству. Загруженный большой и ответственной работой на литературном фронте, он время от времени посылал в ивановскую газету свои яркие корреспонденции.

ПЕВЕЦ ИВАНОВСКИХ ТКАЧЕЙ

Среди многих произведений литературы, созданных в годы советской власти, „Чапаеву“ Фурманова принадлежит одно из видных и заслуженных мест.

Более двадцати пяти лет прошло с тех пор, как вышла в свет эта книга. Она выдержала десятки изданий, обошла многие миллионы читателей и, как всякое истинное творение искусства, волнуемое силой жизненной правды и глубиной идейной убедительности, каждый раз пробуждает к себе новый интерес и становится книгой для поколений.

Д. Фурманов среди лучших „инженеров человеческих душ“ страстно и настойчиво прокладывал путь социалистического реализма. Его „Чапаев“ ставил и разрешал самые жгучие вопросы, связанные с жизнью и борьбой советского народа.

Раскрывая неповторимый характер леген-

дарного героя-полководца, чья жизнь сгорела в титанических битвах с врагами молодой советской родины, писатель создал произведение, которое, став величественным памятником суровой эпохи гражданской войны, продолжает волновать умы и чувства читателей. В самом деле, разве нынешнее поколение с орлиными крыльями, о котором говорил В. М. Молотов в докладе о 30-летию Октября, не воспитывалось на романе „Чапаев“ и не испытало на себе его жизнеутверждающей нравственной силы и красоты.

С момента выхода в свет романа „Чапаев“ советская литература далеко шагнула вперед, она давно вышла на широкую мировую арену, став самой передовой литературой мира. Ныне не мало ее представителей отмечено Сталинскими премиями, ее будущее еще более прекрасно, а между тем „Чапаев“ навсегда останется в ряду выдающихся достижений советской литературы. „Чапаев“ — это книга о могучей организующей и направляющей роли большевистской партии в ту пору, когда десятки миллионов простых тружеников, раскрепощенных от звериной эксплуатации помещиков и капиталистов Великой Октябрьской социалистической революцией, ринулись защищать свои завоеванные права

от бесчисленных банд внутренней контрреволюции и военного похода международного империализма.

Эти грандиозные события в жизни советского народа Д. Фурманов передал на конкретно-историческом материале, связанном с судьбой Чапаевской дивизии и одним из передовых отрядов рабочего класса — иваново-вознесенских большевиков.

Кровные связи писателя с иваново-вознесенскими большевиками, с широкими массами революционных текстильщиков во многом определили появление в свет и успех „Чапаева“, определили богатство идейного замысла и новаторский характер этой книги, которая поставила писателя в ряд крупнейших представителей социалистического реализма.

Много дорог прошел Д. Фурманов по фронтам гражданской войны, со многими людьми сталкивался на своем пути, но всюду: в Чапаевской дивизии или в далеком Семиречьи, на Кубани или на Дону — в иваново-вознесенских ткачах он видел один из передовых отрядов рабочего класса, способных отстоять завоевания Октября. Торжественным гимном звучат слова Д. Фурманова, когда он говорит об ивановцах в романе „Чапаев“:

„И где их, бывало, где не встретишь: у ки-

тайской ли грани, в сибирской тайге, на польских рубежах, на Сиваше у Перекопа, — где они не были красные ткачи, где они кровью не полили поле боя? То-то их так берегли, то-то их так стерегли, то-то их так любили и так ненавидели: оттого им и память, как песня сложена, по бескрайным просторам советской земли“.

В 1925 году Дмитрий Андреевич опубликовал в ивановской газете „Рабочий край“ статью „Что вспомнилось“, где еще раз дал меткую характеристику тем, среди кого он вырос.

„Потом я встречался со своими земляками, — писал он, — по самарской работе, в Ташкенте, в Верном, в Туркестане, в Грузии, на Кубани, на Дону. Всюду они вели большую работу, пользуясь неизменным уважением, их считали как бы старшими по революционной работе, по боевому стажу“.

Осмысливая ход быстро развивающихся событий, порой неожиданных и противоречивых, Дмитрий Андреевич, вооруженный сознанием большевика, мог хорошо отличать ведущее от случайного, представлял себе то, что определяло исход этих событий. Ведь и в Иваново-Вознесенске, где Д. Фурманов получил политическое крещение и стал руко-

водящим партийным работником, жили не одни только революционные ткачи, но именно они решали судьбу города, именно они снаряжали отряды в помощь вооруженному восстанию в Москве в октябре 1917 года, а потом посылали своих лучших сынов и дочерей на битву против вооруженных до зубов кровавых армий международного империализма и внесли свой неоценимый вклад в разгром врага. В. И. Ленин, давая высокую оценку иваново-вознесенским рабочим, не раз подчеркивал их значение в годы гражданской войны. Выступая на III Всероссийском съезде рабочих текстильной промышленности в апреле 1920 года, В. И. Ленин говорил о том, что пролетариат московский, питерский и иваново-вознесенский „доказал на деле, что никакой ценой не уступит завоевания революции“¹, и этим самым характеризовал ивановских ткачей как один из передовых отрядов, идущих в авангарде многомиллионного советского народа.

Д. Фурманов был талантливым сыном иваново-вознесенских текстильщиков и, всегда оставаясь органически связанным с ними, и в минуты тяжелых невзгод и в минуты побед,

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. III, т. XXV, стр. 156.

по праву и достоинству описал их в своей книге как бесстрашных и мужественных борцов за советское государство, за социалистическое воспитание человека, за строительство коммунизма.

Д. Фурманов был писатель-новатор, новатор смелый и оригинальный. К его „Чапаеву“ нельзя было подходить со старыми понятиями определения жанра. Это был художественно-исторический роман, но он не укладывался в рамки старых понятий таких романов.

При появлении в свет „Чапаева“ некоторые литературные критики в своих статьях безуспешно мучались домыслами и соображениями о том, к какому литературному жанру следует отнести эту книгу. Одни именовали ее мемуарами, другие приклеивали ей ярлычок большого очерка, и мало кто видел в этом произведении совершенно новое, что рождалось в советской литературе и чему принадлежало в дальнейшем его развитии большое будущее. Следуя традициям прежних художественно-исторических повествований, Д. Фурманов, быть может, значительно раньше написал своего „Чапаева“. Ведь это было куда легче и проще, чем думать еще над новизной формы произведения. Материала у писателя было больше чем достаточно. Вот что, напри-

мер, он записал в ту пору в дневнике: „Материала много, настолько много, что жалко даже вбивать его в одну повесть“, или „Читаю про Чапаева много — материала горы. Происходит борьба с материалом: что использовать, что оставить?“. Но тут же писатель пытливо решает вопрос: как дать этот материал, в какой форме преподнести его читателю? На первых порах ему многое казалось неясным, и он пишет в дневнике:

„Прежде всего, ясна ли мне форма, стиль?.. Нет!“ И далее: „Я мечусь, мечусь, мечусь.. Ни одну форму не могу избрать окончательно“. Но в творческих муках, в страстном вдохновенном труде эта форма была найдена: Д. Фурманов решил писать произведение, где за большинством описываемых людей, событий и положений он оставляет строго конкретно-исторический характер вплоть до действительных имен героев и мест сражений.

Д. Фурманов сделал то, что мог сделать только писатель, вставший на путь социалистического реализма и понимающий все грандиозное значение перемен, происходящих в жизни человека, в его морально-политическом поведении с приходом новой, советской эпохи. Великая Октябрьская революция, положившая начало новой эры в истории

человечества, раскрепостила народы нашей страны от алчного порабощения эксплуататоров, подняла их на такую высоту, на какой до сих пор не стоит ни один народ буржуазных государств.

С первых лет революции в дыму и пламени самоотверженных сражений с врагами, под мудрым водительством большевистской партии, в характере советского человека уже начинали формироваться те изумительные качества его души, та нравственная красота и политическая зрелость, которые сделали его носителем передовой экономики, культуры и искусства. Героизм стал не поведением одиночек, а массовым явлением: партия, советская власть сплотили миллионы людей в единой целеустремленной воле к строительству коммунизма. Человек стал носителем типичных достоинств всего лучшего и прекрасного, а это дало право дальновидным художникам слова, прошедшим путь борьбы бок о бок с народом, обратиться непосредственно к живой, конкретной действительности и писать о людях не прибегая к вымышленным явлениям и фактам. Когда Д. Фурманов работал над романом, он пользовался много раз пережитым, крайне содержательным и убедительным материалом, и не боялся

называть героев действительными именами (был ли то легендарный полководец Чапаев или ивановская ткачиха Маруся Рябинина), глубоко понимая в то время все значение характера советского человека, налагающего новые обязанности на литературу. Лишь очень немногие люди в „Чапаеве“ даются под вымышленными именами, а среди главных героев только за собой не захотел Дмитрий Андреевич оставить подлинное имя, назвав комиссара Чапаевской дивизии Федором Клычковым. В данном случае сказалась исключительная большая скромность писателя, присущая ему в течение всей жизни.

Приступая к работе над романом, Д. Фурманов немало думал над тем, как раскрыть образ народного полководца: „дать ли Чапая действительно с мелочами, со всею человеческой требухой или, как обычно, дать фигуру фантастическую, т. е. хотя и яркую, но во многом кастрированную“. Решив показать не только характер Чапаева, но и всю описываемую им действительность со всей ее „требухой“, он не сторонился жестокой, порой очень неприглядной правды жизни, а это, в свою очередь, дало ему возможность с исключительной силой осуществить идейный замысел книги. Каждое крупное событие

В истории советского народа обогащало его и морально-политические качества. Д. Фурманов это понимал великолепно и в своей книге он изобразил, как уже в первые годы революции партия, передовые отряды рабочего класса организовывали и воспитывали народные массы в духе социалистической сознательности, в духе беззаветной преданности советской Родине. Иваново-Вознесенские ткачи и комиссар Федор Клычков (Фурманов), как представитель партии в Чапаевской дивизии, являлись носителями передовой революционной идеологии. Поэтому писатель и изобразил их в романе ведущей и направляющей силой. Чтобы убедиться в этом, обратимся к ряду эпизодов самой книги.

Д. Фурманов начинает роман картиной проводов отряда ткачей на иваново-вознесенском вокзале. В голодный год в многоликой массе провожающих раздаются разные голоса:

„— Да... как-то и дела наши ныне пойдут, — пожалобился скучный, печальный голосок.

Ему отвечали серьезно и строго:

— Кто ж их знать может: дела сами не ходят, водить их надо. А и вот тебе первое дело — тыща-то молодцов!.. Это, брат, дело, и большое дело, бо-ольшое! Слышно в газе-

тах вон рабочих мало по армии, а надо...
Рабочий человек — он толковее будет другого — прочего“...

Так уже в самом начале „Чапаева“ намечается глубокий идейный замысел книги, в котором подчеркнуто, что дела сами не совершаются, что вершить их должны люди, закаленные опытом революционной борьбы. „Тысяча молодцов“, о которых упоминается здесь — это самые испытанные в делах иваново-вознесенские текстильщики-коммунисты, это юная ткачиха Маруся Рябинина, самоотверженно сложившая свою голову в рядах Чапаевской дивизии, это пожилая ткачиха Марфа „посовавшая детей в приюты“, чтобы с лучшими товарищами добровольно идти на фронт, это, наконец, видный партийный работник, сын ткачей, Федор Клычков (Фурманов), будущий комиссар Чапаевской дивизии. Их не обескураживает плохонькая военная амуниция, которая на некоторых пошлостям „топорщится“, подымается, как „тесто в квашне“, им не портят настроение старые, изношенные виды оружия; они сильны духом и непреклонной верой в свое правое дело. „С гордостью, любовью, с раскрытым восторгом глядела на них и говорила про них могучая, черная рабочая толпа“, и каж-

дое слово прощальной речи Федора Клычкова глубоко западало в сердце провожающих людей. А Федор Клычков говорил им тогда простые, ясные слова большевика:

„—Товарищи рабочие! Остались нам вместе минуты. Пробьют последние звонки и мы уедем. От имени красных солдат отряда говорю вам: прощайте. Помните нас, своих ребят, помните, куда и на что мы уехали, будьте готовы и сами за нами идти по первому зову...

И еще вам одно слово на разлуку: работайте! Дружнее работайте! Вы — ткачи и знать про то должны, что чем больше соткете в Иванове, тем будет теплее в уральских, оренбургских снежных степях — везде, куда попадет отсюда ваше добро. Работайте и накрепко запомните, что победа не только в нашем штыке, но еще и в вашем труде. Увидимся ли снова когда? Станем верить, что да! Но если и не будет встречи — что тужить: революция не считает отдельных жертв...

Словно буйным бураном завывала снежная степь — толпа зарыдала ответным гулом:

— Прощайте, ребята! Счастливо... Не забудем...“

Нерушимая прочность тыла и фронта, вера

в победу и торжество советских людей помогли потом полураздетым, подчас голодным ткачам-воинам выстоять под напором сильного и хитрого врага, разгромить его отборные каппелевские полки.

Д. Фурманов, рассказывая о героизме и бесстрашии ткачей, рисует в своем романе много ярких эпизодов, картин и характеров, показывающих, как иваново-вознесенцы определяли события, вершили на фронте большие дела. Известно, что Чапаев и чапаевцы были не менее храбры и бесстрашны в боях, чем ткачи. Одна из великих заслуг Д. Фурманова в том и состоит, что он показал, как миллионы выходцев из крестьянских низов железной стеной поднялись на защиту советской власти, как они выдвигали из своей среды талантливых полководцев, в сознании которых лютая ненависть к врагам определяла неудержимый наступательный дух. Но по своей морально-политической зрелости ткачи стояли выше других бойцов Чапаевской дивизии. Поэтому на их долю выпала честь и задача личным примером и политическим опытом влиять на всех окружающих. Ведь известно, например, что рядом с храбростью и бесстрашием в борьбе у Чапаева и чапаевцев были элементы ненужного ухарства, моло-

дчества, иногда очень дорого обходившиеся им самим. Д. Фурманов не боялся раскрывать в романе слабые стороны Чапаева и чапаевцев, ибо знал, что это суровая правда, о которой нельзя не писать, а еще больше знал он, что это отпадет как шелуха, как отживающие пережитки, так как в Чапаевскую дивизию пришли ткачи, коммунисты, ставшие, по меткому выражению М. В. Фрунзе, „цементом дивизии“, ее движущей морально-политической силой. „Дела сами не ходят, водить их надо“ — это хорошо понимали ткачи и с честью выполняли свой долг.

Где бы ни были иваново-вознесенцы, они всюду выступали знающими, толковыми агитаторами, к авторитетному голосу которых прислушивались все, кому суждено было с ними повстречаться. Еще на пути в Чапаевскую дивизию в многочисленных городах, на станциях и полустанках они неутомимо вели агитационную работу среди разноликой массы людей, с жадностью воспринимавших их правдивые уверенные слова. „Что ни остановка, — читаем в „Чапаеве“, — у эшелона бойкая работа. Весь долгий путь перемечен митингами, собраниями, заседаниями, самодельными лекциями, говорливыми беседами... Отряд ткачей-большевиков — толковых, строгих до себя

ребят — весь путь пробороzdил глубоким и неожиданным впечатлением... В этой тысяче большевиков-ткачей увидели сермяжники, жители малых городов, попросту сказать, хороших людей, которые их внимательно, спокойно выслушивали, на все вопросы мирно отвечали, что надо, объясняли умно и просто, не вспарывали подвалам животы, ничего не брали, а что брали — за то платили. И крестьяне дивовались. Было это ново. Было это странно. Было это любо. Иной раз к полустанку, где эшелоны задерживались сутками, сползались жители из дальних сел — деревень „послушать умного народу“. Так эшелоны иваново-вознесенцев превращались в красные агитационные поезда, где бурно кипела жизнь. Ткачи-коммунисты ехали воевать и хорошо „знали, что надо быть готовыми ко всему. И надо войну вести не только штыком, но и умным, свежим словом, здоровенной головой, знаньем, уменьем“...

Вот такие-то люди, с такими настроениями и стали ядром Чапаевской дивизии. Сначала чапаевцы и их прославленный командир с некоторым недоверием отнеслись к ткачам. Д. Фурманов и об этом пишет со всей откровенной правдой, он рассказывает, как по приезде в Уральск по иваново-вознесенцам из-за

углов открывалась пальба: „стреляли красноармейцы „вольных“ крестьянских полков, у которых приехавшие ткачи отнимали и урезывали бесшабашную „волю“. Впрочем, уж очень скоро, как только эти полки увидели, на что способны ткачи, как они стойко и мужественно бьются, — предубеждение разом пропало, выросли иные, дружеские отношения“.

Так ивановские текстильщики-коммунисты влияли на чапаевцев своей высокой сознательностью, политически зрелым умом, неустрашимой храбростью в боях. В тяжелые и самые ответственные дни для родины пришли иваново-вознесенцы в Чапаевскую дивизию. Весна 1919 года дышала раскаленной и угрожающей атмосферой. Международная контрреволюция готовила уничтожающий комбинированный военный поход против молодой советской республики. „Главный удар должен был нанести Колчак, с которым Деникин надеялся соединиться в Саратове для совместного наступления на Москву с востока. Юденичу был предоставлен вспомогательный удар по Петрограду“¹

Как видно, от успехов Восточного фронта

¹ И. Сталин, Соч., т. IV, стр. 282.

во многом зависел исход разыгравшейся кровавой трагедии. Чапаевская дивизия, куда входил основным ядром 220-й стрелковый полк, сформированный из иваново-вознесенских ткачей, должна была лицом к лицу столкнуться с колчаковской армией и уничтожить ее империалистические бандитские знамена.

Д. Фурманов просто и вместе с тем потрясающе ярко рассказал о боевом пути Чапаевской дивизии и о том, как в ее рядах ивановские ткачи всюду, идя первыми, вырывали у Колчака один советский город за другим, как в боях брали они Бугуруслан, Бугульму, Белебей, Уфу, Уральск. М. В. Фрунзе, Чапаев, комиссар Федор Клычков (Фурманов) поручали ткачам самые ответственные военные операции, зная, что ткачи выполнят их со всем большевистским мужеством и умением. „Когда готовилось наступление на Уфу в „Красном Яру“, — пишет Д. Фурманов в романе, — собрались вожди дивизии, надо было учитывать, помимо техники и бойцов, еще и качество их, касаясь именно этой исключительной обстановки. Выбор пал на рабочий иваново-вознесенский полк. Этот выбор сделан не случайно. Полки бригады Сизога покрыли себя бессмертной победной

славой, они были в отношении боевом на одном из первых мест, но для данного момента (подчеркнуто Д. Фурмановым) надо было остановиться на полку высокосознательных красных ткачей — здесь одной беззаветной удали могло оказаться недостаточно“.

В разгаре боя за Уфу много пришлось чапаевцам, и в первую очередь иваново-вознесенцам, испытать тяжелых часов. Силы хорошо вооруженного противника во много раз превосходили силы ткачей.

„Да у них, у ткачей, — читаем в романе, — теперь, кроме штыка, ничего не осталось. И вот, когда вместо демонстрированных атак неприятель повел широкое настоящее наступление, дрогнули цепи, не выдержали бойцы, попятились... В это время к цепям подскочило несколько всадников, они поспрыгивали на землю. Это — Фрунзе... Он с винтовкой забежал вперед: „Ура, товарищи!“ Все те, что были близко, его узнали. С быстротой молнии весть промчалась по цепям, бойцов охватил энтузиазм, они с бешенством бросились вперед. Момент был исключительный! Редко-редко стреляли, патронов было мало, неслись со штыками на лавины наступавшего неприятеля. И так велика сила героического

подъёма, что дрогнули теперь цепи врага, повернулись, побежали“...

Такие бойцы с такими командирами могли преодолевать любые препятствия. И Д. Фурманов рассказал об этом так взволнованно и художественно, что каждая страница его книги оставляет неизгладимое впечатление в памяти читателей.

Сотни километров прошел с боями 220-й иваново-вознесенский полк в рядах Чапаевской дивизии, вызывая чувство гордости и восхищения у чапаевцев и их легендарного командира. Молча они переносили физические страдания, голод и многие тяжелые невзгоды военных походов. В. И. Ленин неоднократно отмечал величайшие заслуги передовых отрядов рабочего класса, принимавших самоотверженное участие на полях сражений в 1919—20 годах. „Иваново-вознесенские, питерские и московские рабочие, — писал В. И. Ленин, — перенесли за эти два года столько, сколько никогда не переносил никто другой в борьбе на красных фронтах.“¹

Оставляя в стороне непосредственные отношения комиссара Федора Клычкова с Чапаевым, так как об этом не раз уже писалось

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. III, т. XXV, стр. 134.

в нашей литературной критике, следует, однако, особенно подчеркнуть, что, вскрывая эти отношения, Д. Фурманов стремился углубить идейный замысел книги, ярче показать в ней, как представители партии, рабочего класса цементировали, направляли и воспитывали миллионные массы людей, поднявшихся от края до края на защиту Советской земли.

Д. Фурманов описывает Чапаева как одного из любимых народных героев, вышедших из крестьянских низов, из среды тех многих миллионов людей, которых царизм обрекал на нищету, бескультурье и несправедливость. В колоритном характере Чапаева, как в капле воды, отражающей солнце, сказались все сильные и слабые стороны крестьянской массы, готовой до последней капли крови драться с врагами революции, но вместе с тем политически незрелой, нуждающейся в учителях жизни. Такими учителями новой социалистической жизни и были в Чапаевской дивизии ткачи-коммунисты, пользующиеся заслуженным авторитетом у чапаевцев.

Представитель партии, умеющий понять и оценить мудрым разумом большевика всю сложность конкретно-исторической обстановки, комиссар Клычков во имя революции

вел терпеливую, трудную работу, чтобы как он выражался, „духовно полонить“ Чапаева.

Комиссар и ткачи сделали очень много! Скоро они в глазах Чапаева и чапаевцев стали самыми авторитетными, самыми умными

Необходимое исправление

На 101 странице, в 10 строке снизу напечатано „бесподобнее“, следует читать — „боеспособнее“.

в боях юной ткачихой Марусей Рябининой; известно, как чапаевцы и их командир крепили и мужали, становились бесподобнее и политически сознательнее под влиянием иваново-вознесенских ткачей-коммунистов.

В этом—сила романа „Чапаев“.

В этом—величие Д. Фурманова, раскрывшего в своей книге незабываемый образ легендарного полководца и ставшего вдохновенным певцом одного из передовых отрядов рабочего класса — ивановских ткачей-коммунистов.

в нашей литературной критике, следует, однако, особенно подчеркнуть, что, вскрывая эти отношения, Д. Фурманов стремился углубить идейный замысел книги, ярче показать

на нищету, бескультурье и бесправие. В колоритном характере Чапаева, как в капле воды, отражающей солнце, сказались все сильные и слабые стороны крестьянской массы, готовой до последней капли крови драться с врагами революции, но вместе с тем политически незрелой, нуждающейся в учителях жизни. Такими учителями новой социалистической жизни и были в Чапаевской дивизии ткачи-коммунисты, пользующиеся заслуженным авторитетом у чапаевцев.

Представитель партии, умеющий понять и оценить мудрым разумом большевика всю сложность конкретно-исторической обстановки, комиссар Клычков во имя революции

вел терпеливую, трудную работу, чтобы как он выражался, „духовно полонить“ Чапаева.

Комиссар и ткачи сделали очень много! Скоро они в глазах Чапаева и чапаевцев стали самыми авторитетными, самыми умными товарищами в боевых походах. Об этом немало сильных страниц романа рассказывают читателям.

Известно, как тяжело расставался Василий Иванович Чапаев со своим комиссаром, когда его партия перебросила на другой ответственный участок фронта; известно, как легендарный полководец, суровый и бесстрашный народный герой, проронил слезы над погибшей в боях юной ткачихой Марусей Рябининой; известно, как чапаевцы и их командир крепили и мужали, становились бесподобнее и политически сознательнее под влиянием иваново-вознесенских ткачей-коммунистов.

В этом—сила романа „Чапаев“.

В этом—величие Д. Фурманова, раскрывшего в своей книге незабываемый образ легендарного полководца и ставшего вдохновенным певцом одного из передовых отрядов рабочего класса — ивановских ткачей-коммунистов.

ПОЭЗИЯ ТРУДА

В 1950 году исполнилось 40 лет литературной деятельности одного из старейших рабочих поэтов — Александра Николаевича Благова, творчество которого тесно связано с жизнью текстильщиков.

А. Благов родился в 1883 году в селе Сорохте, бывшей Костромской губернии. Родители его были бездомные и безземельные крестьяне — отец занимался пастушеством, а мать исполняла домашние работы в зажиточных семьях. Безрадостно проходили детские годы А. Благова. Нужда, недоедание скоро выгнали его родителей из села в фабричный город Иваново-Вознесенск, а сам он остался с сестрой жить у бабушки.

„Я с сестрой Марьей, — рассказывает поэт в автобиографии, — жил у бабушки в Сорохте. Своей избы мы не имели, жили там, где нас пускали. А кормила нас добрая ба-

бушка тем, что успевала выпросить у людей“.

Когда Благову исполнилось восемь лет, он пошел учиться в церковно-приходскую школу. Но неотвязная нужда не дала ему возможности получить даже начальное образование. Мальчик вынужден был бродить по деревням в поисках куска хлеба.

На четырнадцатом году жизни А. Благов поступил работать на Писцовскую текстильную фабрику. Юноша долгие часы трудился за ткацкими станками, переносил не только тяжесть жестокой эксплуатации, но и побои, оскорбительные окрики со стороны прислужников фабриканта.

В 1900 году А. Благов переехал в Иваново-Вознесенск. Здесь его встретила все та же изнурительная работа на капиталистических фабриках, сначала у Бурылина, потом у Куваева и Грязнова.

Горек был труд у станка, но и короткие часы отдыха проходили в самых отвратительных условиях, — ночевать, например, приходилось в большой грязной спальне, где помещалось около 200 рабочих.

А. Благов сочинил в это время песню, которая пользовалась успехом у текстильщиков.

В песне говорилось:

Про куваевскую спальню
Расскажу я вам рассказ:
Эта грязная казарма
Днем и ночью мучит нас.

А. Благов единственное удовлетворение находил в чтении книг. Он особенно любил стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, а также рассказы Буревестника революции А. М. Горького.

Бурные революционные события 1905 года разбудили в А. Благове литературные дарования: ему захотелось писать, в стихах высказать свое слово о подневольном труде текстильщиков. Сначала это была еще „проба пера“, стихи удавались не сразу, но к 1910 году некоторые произведения поэта уже начали проникать в печать.

В годы реакции в русской литературе особенно подвизались поэты-символисты. Лицемерная проповедь „чистого искусства“ и попытка отвлечь внимание читателей от реальной жизни в область мистики являлись знаменем этих реакционных поэтов. Однако А. Благов, как рабочий поэт, избежал тлетворного влияния символистов. В своих ранних стихах с едкой иронией он высмеивал Бальмонта, Белого и других представителей „чистого искусства“.

Но не только это характерно для творчества А. Благова. Известно, что некоторые рабочие поэты того времени, рисуя картины жизни пролетариата, говорили преимущественно о безысходном горе. А. Благов уже в ранних стихах писал о счастливом будущем рабочего класса, о том, что „сила его в единении“, в революционной борьбе. Так, в одном из стихотворений того времени он писал:

В разгаре фабричного шума,
Под мерные взмахи ремвей
Нередко отрадная дума
В душе возникает мсей.
И греет, и ласково светит
Надеждой, что время придет,
И жизнью счастливой на свете
Рабочий народ заживет.

А. Благов не был связан с революционным подпольем, но фабриканты считали его опасным рабочим, особенно с тех пор, как поэт в 1912 году принял участие в сборе средств в фонд большевистской газеты „Правда“. Почти год он и его жена не могли нигде найти себе работу.

Таким писателям, как А. Благов, крайне трудно было выходить со своими стихами на страницы печати. Поэт чаще всего адресовал стихи своим друзьям-рабочим. Так, в 1916 году

он написал десять больших стихотворных писем своему другу-текстильщику Вицуну.

После Великой Октябрьской революции А. Благов попрежнему трудился ткачом на текстильных фабриках. Но это был уже новый труд, вызвавший к жизни и новые песни. Произведения поэта стали все чаще появляться в печати.

В 1919 году в Москве вышел первый сборник стихотворений А. Благова „Песни рабочего“. Затем были изданы его книжки „Рабочий город“ (Москва, 1928 г.), „Ступени“ (Москва, 1932 г.), „Избранные стихи“ и „Перестройка“ (Иваново, 1933 г.), „Страна ткача“ (Москва, 1936 г.). В 1946 году московское издательство „Советский писатель“ выпустило сборник избранных стихотворений А. Благова, а в 1948 году вышла его книжка „Стихи и поэмы“ в Ивановском областном издательстве.

Слагая радостные песни созидательному труду советских людей, поэт нередко вспоминает минувшие дни. И это вполне закономерно: А. Благов на своих плечах вынес гнет буржуазной эксплуатации и, говоря о счастливой жизни советских текстильщиков, он сопоставляет ее с тяжелым прошлым. Та-

ковы стихотворения: „Два времени“, „Вечера“, „Юность“ и другие. В значительной части произведений раскрывается революционная борьба рабочих с капиталистами и царскими сатрапами. Так, событиям 1905 года посвящена поэма „Талка“, стихи „Маевка“ „Песня старого ткача“.

С чувством гнева поэт рассказывает в стихотворении „День“ о кровавой расправе царских палачей с иваново-вознесенским и текстильщиками 10 августа 1915 года.

Но центральное место в творчестве А. Благова занимают произведения, рисующие картину великого созидательного труда ивановских текстильщиков. Никто из поэтов нашего края не проник так глубоко в их жизнь, никто так последовательно и внимательно не следил за ней, как А. Благов.

Он запечатлел в своих стихах начало социалистического соревнования, рождение стахановского движения на фабриках, отразил патриотические чувства текстильщиков в грозные годы Великой Отечественной войны, воспел вдохновенный труд ткачей в годы послевоенной сталинской пятилетки.

С особенной теплотой говорит А. Благов о всемирноисторической роли партии Ленина — Сталина, которая привела трудящихся нашей

страны к освобождению от векового гнета эксплуататоров, к построению социалистического общества.

В стихотворении „Сталин“ А. Благов пишет:

Наш путь широк неизмеримо,
Над нами светел небосвод,
С тобой, учитель наш любимый,
Мы смотрим радостно вперед.
Вся жизнь, что дышит свежей новью
По городам, полям родным, —
Озарена твоей любовью,
Великим именем твоим.

Поэзию А. Благова можно с полным основанием характеризовать как поэзию труда. В своих стихах поэт раскрывает дорогие и близкие нам образы стахановцев текстильных фабрик, находит светлые краски для изображений фабричных корпусов, где

Белоснежные ткани бегут,
Словно лебеди крыльями машут,
А кругом, как цветы на лугу,
Молодые работницы наши.

(„На фабрике“).

В немногих словах А. Благов умеет передать свою взволнованность, вызванную очередными успехами ивановских текстильщиков:

По просторным цехам я иду,
Их работа на полном ходу;
Разноцветный сатин предо мной
Зацветает, как поле весной,
Льются метры тугих миткалей,
Серебристого снега белей.

(„Наш город“).

Сейчас А. Благову шестьдесят семь лет, но —

Пусть на плечи ложатся года,—
Жизнь прекрасна, душа молода,—

с законной гордостью говорит он. В стихотворении „Два времени“ поэт вновь повторяет:

От души родному городу
Посылаешь свой привет.
Ходишь бодро, смотришь молодо
На седьмом десятке лет.

Источником этой бодрости, источником его жизнерадостных боевых стихов является великий созидательный труд сталинской эпохи.

А. Благов — поэт-коммунист, поэт-общественник. Он часто выступает перед рабочими со своими стихами, ведет депутатскую работу в городском Совете, занимается с молодыми авторами.

Своими стихами А. Благов откликается на

самые важнейшие события. В стихотворении „Мы празднуем Октябрь“ он говорит:

К социализму путь
Уже обрел Китай.
Сиянью наших зорь
Дорога не закрыта.
Слова „Да будет мир!“
Летят из края в край,
И близится конец
Магнатам Уолл-стрита.

Характеристика поэзии А. Благова была бы далеко неполной, если не сказать еще об одной из ее замечательных сторон — о ее напевности. Не случайно многие стихотворения поэта переложены на музыку.

Среди наиболее популярных песен А. Благова можно назвать „Стахановку“ — музыка С. Прокофьева, „Марш текстильщиц“ — музыка братьев Покрас, „Песня старого ткача“ — музыка Н. Смирнова, „Песня прядильщицы“ — музыка И. Смылова, „Наша правда крепка“ — музыка украинского композитора А. Гай.

Песни А. Благова так же, как и вся его послереволюционная поэзия, проникнуты темой мирного созидательного труда советских людей, живущих под солнцем Сталинской Конституции.

В песне „Стахановка“ поэт говорит о счастье творческого соревнования текстильщиц, о культуре производства, об умелом использовании техники, о стремлении текстильщиц быть в передовых рядах великой армии советских тружеников. Песня заканчивается словами:

Жизнь открыла перед нами
Небывалые пути:
Я—ткачиха—за станками
Буду крепнуть и расти.
Будет счастье, будет радость,
Песню громче заведу.
В светлый праздник на параде
Встану с лучшими в ряду.

В припеве говорится о виноградовском маршруте, которым овладела ткачиха. Виноградовский маршрут — это маршрут самых сильных, самых передовых тружеников текстильного производства; песня напоминает о Евдокии и Марии Виноградовых — инициаторах социалистического соревнования в текстильной промышленности.

Стихи и песни А. Благова, опубликованные за истекший год, посвящены главным образом теме мира. Можно утвердительно сказать, что Александр Николаевич Благов больше и активнее, чем кто-либо из других иванов-

ских поэтов, откликнулся своими стихами на всенародную борьбу за мир. Этой теме посвящены стихотворения „Нам нужен мир“, „Не позволим“, „Слово ткачихи“, „Слава труду—созидателю жизни“, напечатанные в „Рабочем крае“ во время кампании по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием. В стихотворении „Нам нужен мир“ поэт заявляет:

Оплотом мира на земле
Стоит Советская держава.
И Сталин бодрствует в Кремле,
И не померкнет наша слава.
—Нам нужен мир, а не война,—
Простых людей мы голос слышим,
И миллионов имена
На мирной хартии напишем.

В стихотворении „Наша правда крепка“, опубликованном в „Известиях“ и переложеном на музыку композитором А. Гай, поэт клеймит гневными словами американских империалистов, вторгшихся в Корею, он говорит о советской стране, возглавляющей могучий лагерь мира, демократии и социализма:

Над планетою рея,
Поднимаясь в зенит,
—Руки прочь от Кореи!—
Гневный голос гремит.

Мы в борьбе не устанём,
Наша правда крепка.
Мир— народам и страдам
Навсегда, на века!

Поэзия А. Благова близка нашим читателям своим трудовым пафосом, своей злободневностью. Его стихи воспитывают благородные чувства советского патриотизма, безграничной любви к труду и миру, чувства преданности великой партии Ленина—Сталина, ведущей советский народ к коммунизму.

СКАЗЫ М. КОЧНЕВА

М. Кочнев живет в Иванове с 1942 года. Свою литературную деятельность он начал со стихотворений. Уже в 1943 году в Ивановском издательстве выходят его небольшой сборник стихов „Объятия земли“ и поэма „Аня“. Обе книжки не представляли собой что-либо оригинальное. М. Кочнев опубликовал просто слабые стихи, требующие значительной доработки. К основным недостаткам его стихов следует отнести многословие, небрежную работу над поэтическим словарем. Некрасовского „мороза-воеводу“ он наивно переделывает в поэме „Аня“ на „мороза-генерала“, что вызывает у читателя одно лишь недоумение. Больше того, поэма „Аня“ несла в себе серьезные идеологические промахи, за что справедливо была в свое время раскритикована в „Правде“. Литературный успех М. Кочнев завоевал

с тех пор, как начал писать сказы о текстильщиках.

История борьбы, труда и быта текстильщиков богата чрезвычайно интересными материалами. С давних пор в характере ткачей обнаруживался живой, изобретательный ум, сила коллективного общения, энергичный протест против эксплуататорских классов, что в конечном итоге позволило им занять значительное место в истории революционного движения. Однако, если в научно-исследовательской литературе историческим заслугам текстильщиков отведено подобающее место, то в области художественной литературы, к сожалению, сделано крайне мало.

Даже такие одаренные литераторы, как В. А. Рязанцев и Ф. Д. Нефедов, писавшие в прошлом о ткачах, не сумели проникнуть в существо их характеров. В. А. Рязанцев, например, создал несколько рассказов („Добрый человек“, „Хороший человек“, „Божьи люди“ и др.). Однако эти „хорошие“, „добрые“, „божьи люди“ были мало похожи на обитателей и тружеников старого фабричного Иванова, быстро выросшего в один из крупных революционных центров России. А Нефедов иначе и не называл Иванова, как „гнилым чортовым болотом“ или „омутом

животного царства“, раскрывая образы ткачей в духе евангельского смирения.

Вот почему интересным событием в литературе является книга писателя Михаила Кочнева „Серебряная пряжа“, вышедшая в издательстве „Советский писатель“ в 1946 году.

К числу заслуг М. Кочнева следует, прежде всего, отнести то обстоятельство, что он первый сделал попытку изобразить прошлое текстильщиков опираясь на обильный фольклорный материал, и эта попытка, безусловно, удалась писателю. С течением времени в быту и производстве фабричного Иванова с его широкой округой рождались свои пословицы, поговорки, загадки, балагурно-обличительные частушки и особенно много сказок, с помощью которых ткачи отчасти коротали длинные вечера, вкладывали в эти сказки осознанную необходимость для людей развития ткацкого дела. Говоря о значении сказок, А. М. Горький писал: „Люди знакомятся с новыми вещами не только непосредственно, видя и осязая вещи, но и по рассказам о вещах. Вероятно, сказки должны были способствовать развитию некоторых ремесел: гончарного, кузнечного, ткацкого, оружейного и прочих“.

Следует сказать, что никто из писателей и даже краеведов не задумывался над серьезным сбором и обработкой фольклорного материала бывших текстильных слободок или каморок. Уместно вспомнить еще раз слова Горького, сказанные им на первом Всесоюзном съезде писателей в 1934 г. о том, что „фольклору совершенно чужд пессимизм, не взирая на то, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно, — рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами. Но при всем этом коллективу как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами“. Все эти слова А. М. Горького в значительной степени и с большим основанием можно отнести к фольклору текстильщиков, получившему впервые обобщение и литературную обработку в книге М. Кочнева „Серебряная пряжа“.

Эта книга нашла многочисленных читателей как среди тех, кому еще памятна капиталистическая эксплуатация, так и среди молодежи, которая, помимо художественного удовлетворения, извлекает из книги большую познавательную пользу.

В сказах М. Кочнева даны многочисленные картины быта и производственной жизни

ткачей с момента зарождения ткацкого дела еще в крепостном селе Иванове до организованных политических выступлений иваново-вознесенского пролетариата в эпоху подъема революционного движения 1905 года, когда незабвенный „Арсений“ — М. В. Фрунзе — вел ткачей на борьбу с фабрикантами.

Все события и поступки людей в сказах связаны с быстро растущим прядильно-ткацким производством. Автору удалось воспроизвести колорит местности с его нищенскими рабочими поселками вроде Ям, Кокуя, Голодаихи, Сластихи, с загаженной красками и другими фабричными отбросами рекой Уводью, мелководной, но ставшей знаменитой рекой Талкой, на берегах которой рабочие собирались на маевки. Элементы фантастики в сказах М. Кочнева не мешают читателю представить себе реальную действительность прошлого. В загадках и прибаутках, пословицах и поговорках, в говорливом балагурно-обличительном языке ткачей, в краткой, но местами выразительной характеристике людей автор дает почувствовать запах красок, игру цветов на тканях, тяжесть подневольного труда, поэзию народного мастерства, граничащего с настоящим искусством, и многое другое.

Современный город Иваново с его огромными текстильными предприятиями, с многочисленными вузами, театрами, клубами и другими научными и культурными очагами, построенными в годы сталинских пятилеток, — как непохож этот город на старое Иваново, описанное в книге М. Кочнева. А между тем, читая сказы, проникаешься мыслью, что нынешнее положение города, одного из крупнейших промышленных и культурных центров нашего богатого и сильного государства, во многом определялось тем, что многотысячная армия рабочих-текстильщиков, прошедшая славный революционный путь, в результате Великой Октябрьской революции завоевала право на раскрепощенный труд, на строительство новой коммунистической жизни. Сказы М. Кочнева, с их фольклорной тканью и людьми прошлого, еще раз пробуждают чувство гордости за настоящее, за завоеванное в борьбе счастье жить и трудиться в наше прекрасное время.

Немалое место занимает в книге „Серебряная пряжа“ повествование об умных и талантливых мастерах-набойщиках, красковарах, искусных ткачах и прядильщиках, гордых за свои добротные ткани, за свой труд.

Ткачиха Авдеевна „уж такие канифасы

ткала — и плотно, и красиво, словно кашемирские шелка“. Мастер набойного дела Федот из сказа „Пальмовая доска“ восклицает: „Персидские да заграничные, а мы нешто параличные!“ „Одно скажу, — заявляет он, — коли человек делал, и я сделаю“.

Особенно интересен сказ „Шаль с кистями“, где идет речь о том, как фабрикант Куваев с помощью подставных лиц выкрадывает заграничную шаль у приехавшей в Иваново артистки и велит своему колористу Илюхе добиться хотя бы подобия красоты этой шали. Но мастерство Илюхи превосходит качество и прелесть заграничной выделки, и когда артистке подадут ее шаль и ивановскую, она изумлена искусством русского мастерства.

Сколько раз ивановские фабриканты дрались между собой за обладание тем или иным набойщиком или красковаром, ибо от их талантливости труда зависели изрядные прибыли купцов-фабрикантов. Недаром сложилась у ткачей пословица: „Если ситец пригож с лица, то и в кармане густо у купца“.

Читая сказ „Шелковая полоска“, мы видим, как фабрикант Захарка Кокушкин всеми отвратительными средствами цепляется за набойщика Филарета, как он, Захарка, выбра-

сывает чудесного мастера на произвол судьбы, когда тот, ослепнув, уже не мог стать предметом бесстыдного обогащения эксплуататора.

Все эти рабочие-текстильщики, беззаветные кудесники ткацкого производства, страстные поэты своего дела, ничего не нажили для себя в прошлом, кроме благородной славы в народе за свой бескорыстный и талантливый труд. Как ненавидели они всяких обманщиков, предателей и авантюристов, какие едкие слова говорили по адресу всевозможных негодяев, иностранных „спецов“, как закипало в них чувство глубокого патриотизма, когда на Россию набрасывались чужеземные войска, — обо всем этом повествуется в книге „Серебряная пряжа“.

Волнующе передана борьба ткачей в сказе „Курень за оврагом“, где речь идет о том, как до села Иванова дошли польские паны в надежде награть добротных полотен, но получили отпор.

Суровая кара постигает труса Герасима в сказе „Березовый хозяин“. Герасим захотел нажиться на миткалях, ради чего лгал на простых людей, сделался трусом перед чужеземными войсками, и вот какой приговор был оглашен ему: „Потерял ты свою образину

и больше не воротишь; ни зверь, ни птица, ни человек на выручку тебе не явятся. Много ты творил грехов в своей жизни. Но всем грехам грехи — два последних: не набрал духу на чужеземцев грудью встать — один твой грех смертный; невинного человека оболгал — второй твой смертный грех. И нет тебе за них ни милости, ни прощенья!..“

Чувство национального достоинства подсказывает ткачу Ивану из сказа „Царь-Петровы паруса“ убедить Петра Первого, что ивановские полотна самые прочные и самые пригодные для парусов, в то время как авантюрист иностранец предлагал царю поехать за полотнами в Силезию.

Но самое ценное в сказах то, что писатель, собрав богатый фольклор ивановских текстильщиков, сумел выразить рост их классового самосознания, их вольнолюбие и вековую целеустремленность к свободному труду и свободной жизни.

Перед читателем проходит целая галерея ивановских фабрикантов, работая на которых ткачи получали чахотку, а потерявшие трудоспособность знали только одну дорогу — в беспросветное нищенство. Мучителен был труд и красковаров, от которых особенно зависела прибыль хозяев. Обычно красковары

говорили, что „сотворил бог запашок — проникает до кишок, из чана нюхнул — в горле скребет“.

Разными путями рвались к богатству ивановские фабриканты, не брезгуя даже фальшивыми деньгами и подкупом на эти фальшивки царских слуг вплоть до министров („Пальмовая доска“).

Бесконечными штрафами, грубой бранью и непосильным трудом душил рабочих набожный Яков Фокин, которого ткачи прозвали „Чортовым пальцем“. Ткачи любили слушать ими же сочиненную песню про фабриканта Якова Фокина:

Фокин Яшка — фабрикант,
у него такой талант:
в день субботний поминает
он усопших и живых.
В воскресенье оделяет
булкой нищих и слепых.
А другие дни седмицы
он на фабрике своей —
штрафом потчует ткачей.

(Из сказа „Непробудный сон“.)

Пришло время, когда ткачи уже не довольствовались только обличительными частушками и песнями, направленными против эксплуататоров.

Два последних сказа в книге М. Кочнева („Муравьиный обед“ и „Злая рота“) на фольклорном материале раскрывают революционную борьбу текстильщиков, во главе которой стоит талантливый представитель большевистской партии „Арсений“ — М. В. Фрунзе.

В сказе „Муравьиный обед“ говорится о том, как дружно сплывались вокруг партии Ленина — Сталина пролетарские массы, в данном случае текстильщики. „На наших фабриках кто постарше, все про Арсения вспоминают. Хороший больно человек был. Многие его помнят. Немного пожил, а добрую память о себе навек оставил.. В те поры от товарища Ленина Арсению письмо пришло. Товарищ Ленин совет давал — как быть дальше, что делать. И свой наказ Ленин ткачам велел сказать, чтобы духом не падали. Стал Арсений своих верных помощников по фабрикам рассылать, фабричных повещать: мол, в такой-то день, в такой-то час приходите за Куваевский лес на тайную сходку“. В сказе передается, как зорко и ревниво оберегали ткачи Арсения от царских ищеек и шпионов, как взволнованно слушали его речи, включаясь в мощный поток всеобщей политической стачки иваново-вознесенских текстильщиков.

О силе агитаторских и организационных способностей М. В. Фрунзе, о беспредельной любви к нему рабочих повествует также сказ „Злая рота“.

Так, М. Кочнев, обильно используя фольклор, воссоздает в книге „Серебряная пряжа“ много интересного и ценного из жизни и борьбы ивановских текстильщиков, создавших в 1905 году один из первых в России Совет рабочих депутатов.

Достоинства книги М. Кочнева несомненны. Тем не менее нельзя пройти мимо ряда недостатков.

В некоторых сказах („Белый парус“, „Непробудный сон“) автор не в меру многословен; он, видимо, не учел того, что для текстильщиков многословие вовсе не характерно. Ткачи были говорливы, но их говорливость всегда несла в себе глубокое содержание и выразительность. Не всегда М. Кочневу удается избежать и шаблонных моментов, идущих не от фольклора, а от литературщины, что порой заставляет его делать весьма неверные выводы в самом идейном содержании сказов. Вот конкретный пример. В „Катеринкином счастье“ рассказывается, как Матрешка, родная сестра Катерины, завела фабрику и мучительно эксплуатировала ткачей.

В конце концов деспотичная и алчная Матрешка сгорела вместе со своей фабрикой. В чем же счастье Катерины? Автор в конце сказа заявляет, что она купила свое счастье чистой совестью и поэтому „весь свой век прожила в достатке да в чести“. Эта заключительная строчка сказа навеяна литературными трафаретами. Она не дает сколько-нибудь реального представления о жизни, так как ткачи, при всей их исключительной совести, все-таки не жили „весь свой век в достатке“ во времена дикой капиталистической эксплуатации.

Наконец, М. Кочнев недостаточно глубоко изучил и обобщил в своих сказах фольклор текстильщиков наиболее позднего происхождения. Это особенно чувствуется в сказах, относящихся к революционным событиям 1905 года, а также в сказах, написанных на современные темы.

В целом же книга „Серебряная пряжа“ — большая творческая удача автора.

В 1948 году в издательстве „Московский рабочий“ вышла новая книга сказов М. Кочнева „Расписной узор“. Большинство сказов, помещенных в этой книге, написано бойко, интересно, убедительно. Через художественную ткань сказов, навеянных фольклор-

ным творчеством текстильщиков, автору удается передать мрачные картины далекого прошлого ткачей и солнечные, счастливые дни стахановского труда в годы сталинских пятилеток.

Слов нет — перед писателем стояла нелегкая задача: нужно было не только вникнуть в содержание устного творчества текстильщиков, но и глубоко продумать, прочувствовать его особенности, не сбиваясь на литературную подделку и примитив. И, надо сказать, что автор в основном не плохо справился с этой задачей.

Трогательно и взволнованно говорится о трагической судьбе двух людей в сказе „Волжанка-служанка“. В далекие екатерининские времена уносит внимание читателей содержание этого сказа. Талантливый художник Диаклетиан, умеющий бесподобно расписывать скатерти, был куплен купцом-мануфактурщиком у проигравшегося в карты помещика. Художник-самородок своим мастерством приносит громадные богатства хозяину, а сам терпит нужду и несправедливость.

Диаклетиан любит красивую девушку Маринку, которая потом приглянулась царице Екатерине, приехавшей к мануфактурщикам в гости.

Екатерина не хочет внять жалобам Диаклетiana и Маринки на подневольное житье „рабочих людей“ и повелевает отдать красивую девушку на забаву своему „светлейшему князю“. Когда же Диаклетian вступается за Маринку, его пытаются, рвут ему ноздри, а потом ссылают на каторгу. Девушка, преследуемая слугами царицы, с отчаяния бросается в Волгу.

Это, пожалуй, один из лучших сказов М. Кочнева, где раскрывается яркая, запоминающаяся картина далекого прошлого ткачей, красковаров, рисовальщиков тканей и других людей подневольного труда. В то время среди них всякий по-своему выражал протест против поработителей, перенося за это жестокие наказания и гонения. Только в глубине души у них зарождалась мечта обрести счастье свободной жизни.

„Я весной птицам завидую, — говорит Маринка любимому другу, — поглядишь, летят они, куда им хочется. И так ли сердце заидется, ничего бы, кажись, не пожалела, жизни бы самой, только бы так же вот хоть один денек пожить...“

Нравственно чистые, непреклонные, трудолюбивые, изобретательные люди, — такими выглядят ткачи в сказах М. Кочнева.

К достоинствам книги „Расписной узор“ надо отнести и настойчивый интерес автора к более поздним пластам устного народного творчества. Многие сказы, вошедшие в книгу, дают представление читателю не только о далеких временах из жизни ткачей, но и показывают рост их политического сознания, их организованную революционную борьбу с царизмом, с мануфактур-советниками и полицейщиной. („Иголки-проколки“, „Доброе семя“, „Шапка невидимка“). Заслуживает внимания и сказ „Оклевыш под ногами“, где большевистски настроенные ткачи разоблачают и изгоняют предателей, меньшевиков, заклеив их презрительным словом „оклевыши“.

Два последних сказа книги рисуют жизнь текстильщиков в советские годы. Эти сказы удачно объединены общим заголовком „Солнце в окнах“. Радость освобождения, счастье творческого труда, светлый образ великого вождя народов товарища Сталина — вот мотивы фольклора, на коих построены сказы „Голубой мотылек“ и „Новая дорожка“.

Однако книга „Расписной узор“ не свободна от недостатков. М. Кочнев мог бы вполне избежать их, если бы отнесся более внимательно к замечаниям критиков

по его первой книге сказов „Серебряная пряжа“.

Отдельные сказы из „Расписного узора“ по своему идейному замыслу и решению темы выполнены так, что производят впечатление, будто они писаны рукою эпигона-народника, у которого понятие добра и зла, правды и кривды вовсе не обуславливалось классовым положением людей, а было чем-то отвлеченным.

Проследим содержание сказа „Прозрачный родник“. Ивановский шерстобит Трофим в молодости любил девушку Стешу, но судьба сложилась так, что он женился на Луше и у них родилась дочь Дуня. Тем временем Стеша тоже вышла замуж, но ее муж вскоре умер, оставив двух дочерей-близнецов Оленку да Огашку. Трофима также постигло несчастье. Его жена заболела и перед смертью просила мужа: „Пуще всего храни Дуняшку, ни на кого не меняй. Схоронишь меня, не бобылем же тебе жить, женись на Стеше. Лучше, чем Стеша, ты себе жены не найдешь, а для Дуняшки она будет как мать родная“.

Этим автор приводит читателя к основному конфликту. В чем же состоит этот конфликт? Оказывается, когда Трофим пришел со своей

дочерью к Стеше, то ее дочери-близнецы Оленка и Огашка встретили неродную сестру как падчерицу; они издевались над ней, клеветали на нее, словом — трудно перечислить все их козни. Кончилось же дело тем, что мать Оленки и Огашки не подарила им подарков, а подарила их неродной дочери Дуне, заявив при этом своим дочерям:

„Вот, когда и вы будете на работе и дома, как Дуняша, тогда и у вас будут козловые сапожки, а дотоль вы меня и матью лучше не зовите, непослушные“.

Во-первых, у читателя возникает недоумение, почему у такой замечательной женщины, какой рисует ее автор, дочери похожи на злых ведьм; автор это ничем не мотивирует.

Во-вторых, непонятно, почему М. Кочнев, умело раскрывая социальные конфликты в ряде сказов, в этом случае написал что-то, очень похожее на многочисленные сказки, которые печатались в дешевых (не по цене, а по духу) дореволюционных журналах, где часто проповедовалась прописная мораль победы добра над злом, но во имя зла, во имя затушевывания классовых противоречий. Одним словом, сказ „Прозрачный родник“ выпадает из общего плана книги так же, как выпа-

дает и другой сказ „За морем телушка — полушка“, где тоже без всякой мотивировки рассказывается о том, как рабочий Терентий выручает из большой беды фабриканта, выручает услужливо, с чувством сознания своего „великодушия“.

Немаловажный недостаток „Расписного узора“ — порой намеренное и сознательное коверканье автором языка сказов. Такие слова, как „робяты“, „бывалоча“ и т. п., у автора далеко не единичны. Делается это, видимо, с той целью, чтобы подчеркнуть большую зависимость сказов от устного народного творчества. Но это по существу — фальсификация, так как подобные слова совсем не характерны для фольклора текстильщиков.

Известно, что народное творчество растет и развивается вместе с ростом культуры народа. Следовательно, автору совсем незачем было навязывать людям слова, вышедшие давным-давно из употребления.

В книге сказов М. Кочнева „Расписной узор“ есть и еще кое-какие шероховатости, тем не менее, эту книгу всюду прочтут с большим интересом и пользой.

О ТВОРЧЕСТВЕ М. ШОШИНА¹

В 1950 году исполнилось 25 лет литературной деятельности Михаила Дмитриевича Шошина, одного из популярных ивановских писателей, большинство книг которого посвящено изображению советской деревни.

М. Шошин родился в 1902 г. в деревне Яснево, Вичужского района, Ивановской области. Родители его занимались сельским хозяйством и одновременно работали на текстильной фабрике: отец — ткацким помощником мастера, мать — ткачихой.

Образование М. Шошин сначала получил в сельской школе, а после Великой Октябрьской социалистической революции — в школе второй ступени. В 1918 г. Михаил Дмитриевич вступил в комсомол, работал в уездном ко-

¹ Статья напечатана в „Ивановском альманахе“ № 12 под псевдонимом В. Кауров.

митете комсомола заведующим отделом деревенской молодежи. Особенную любовь он проявил к газете: желание писать очерки из жизни рабочей и крестьянской молодежи было большим.

С 1924 по 1929 гг. М. Шошин сотрудничает в редакции кинешемской газеты „Приволжская правда“, затем переезжает в Иваново и с тех пор с небольшими перерывами работает в аппарате редакции областной газеты „Рабочий край“. В ту пору при „Рабочем крае“ была организована группа литераторов с выразительным названием „Атака“. Сюда обычно собирались писатели, чьи имена довольно часто фигурировали как на страницах газет, так и в издаваемых ИВГИЗ'ом литературно-художественных сборниках. Приходили в редакцию и начинающие авторы.

На заседаниях „Атаки“ нередко шли горячие споры. Эти споры имели большое принципиальное значение. Советская литература переживала период становления, и это становление крепло в острой идеологической борьбе. Были случаи, когда и в „Атаке“ раздавались затхлые голоса подражателей буржуазных перевальцев или неуклюжих защитников „чистого искусства“, и тогда-то завязывалась жаркая полемика, кончавшаяся обычно идей-

ным разгромом защитника буржуазных и мелкобуржуазных литературных теорий. В борьбе за чистоту идейных взглядов выросла и сложилась как литературный коллектив писателей ивановская „Атака“.

Мы остановились на „Атаке“ потому, что это было одно из типичных явлений советской литературы. Здесь, в Иванове, и других городах нашей Родины тянулись к свету, к жизни талантливые люди, которым Великая Октябрьская социалистическая революция открыла дорогу к творчеству. И разве не знаменателен такой факт, что В. И. Ленин заинтересовался группой ивановских писателей и запросил в 1921 г. комплект „Рабочего края“, чтобы познакомиться с их произведениями!

Великий Горький особенно внимательно следил за ивановцами, вел с ними переписку, подбадривал их своими теплыми советами и вместе с тем направлял справедливо строгими требованиями. М. Шошин принадлежит к числу ивановских литераторов, имевших счастье переписываться с А. М. Горьким. Деревенский юноша, написавший несколько рассказов, решил послать их великому писателю. М. Шошин знал, что А. М. Горькому шлют письма со всех концов света, и уж никак не ожидал быстрого отклика.

Однако ответ пришел скоро. А. М. Горький умел отвечать на тысячи писем, умел отзывчиво подсказать нужный и своевременный совет молодым авторам. Долго М. Шошин вертел в руках конверт с письмом А. М. Горького, а потом с неповторимым чувством волнения прочитал в нем следующее:

„Записки плохого поэта“ и „По заволжским просторам“ вполне определенно говорят о вашей даровитости. Говорят и о том, что вам доступно чувство дружбы к людям, чувство доверия к жизни, — это чувство не часто встречается выраженным так просто, искренно. Вы хорошо видите жизнь и знаете, о чем надобно писать. Изобразительные средства у вас не плохи, но могут и должны быть лучше, богаче. В приемах работы чувствуется влияние М. М. Пришвина. Это — весьма крупный художник, у него есть чему поучиться, но не забывайте, что одно дело учиться, другое подражать. Я думаю, что вы человек своеобразный, вижу, что у вас есть свой немалый опыт, что требует вашей, а не чужой окраски... Вам следует заняться языком. Не хочу сказать, что он плох, но он еще беден. Требуется чтобы вы обогатили его... Избегайте таких слогов, как „щущих“, „щяя“, „ще“, „вшей“, а также вообще свистящих и шипя-

щих везде — они не звукоподражательны. „Трепещущая тишина“ не изображает тишины потому, что слога „щу“, „ща“ слишком определенно звучат... „Записки поэта“ — если они нигде не печатались, я предлагаю вам напечатать в журнале „Наши достижения“. С будущего года журнал будет выходить ежемесячно и мы решили печатать в нем беллетристику светлого тона, как ваша... Мелкие ваши рассказы следует напечатать в литературной странице „Известий“. „По заволжским просторам“ могу послать в „Красную новь“ или „Новый мир“. Всего доброго

М. Горький“.

Можно себе представить, как это письмо ободрило М. Шошина, письмо, представляющее и до сего дня большой интерес для писателей.

А. М. Горький оценил М. Шошина прежде всего за его правильное понимание жизни, за... „светлый тон“ его рассказов, и тут же указал на необходимость совершенствовать литературное мастерство. В другом письме Алексей Максимович писал М. Шошину:

„Если найдете время, напишите для „Наших достижений“ очерк на любую иваново-

вознесенскую тему, но в таком же добром тоне, как и „Записки поэта“...

М. Шошин написал очерк „Обгон“ о социалистическом соревновании на фабрике. То ли потому, что он плохо тогда знал жизнь фабрики, то ли из-за торопливости, очерк вышел неудачным, и автор получил от А. М. Горького не просто письмо, а развернутую рецензию, где подробно со всей горьковской откровенностью были изложены недостатки очерка. Поскольку это письмо интересно не только для понимания истории творчества М. Шошина, но и представляет громадный интерес для каждого начинающего, растущего литератора, процитируем из письма ряд отрывков.

„Рассказы ваши получил, — писал А. М. Горький. — Вы прислали два черновика, оба написаны „на скорую руку“, не продуманы и до того небрежны, что в них совсем не чувствуется автор тех двух очерков, которые я вам обещал напечатать и которые подкупили меня своим добрым настроением.

Хуже того — в „Обгоне“ и „Вызове“ не чувствуешь ни любви к литературной работе, ни уважения к читателю, а если у вас нет ни того, ни другого, — вы не научитесь

писать, и не быть вам полезным работником в области словесного искусства.

Талант развивается из чувства любви к делу, возможно даже, что талант — в сущности его — и есть только любовь к делу, к процессу работы. Уважение к читателю требуется от литератора так же, как от хлебопека: если хлебопек плохо промешает тесто, если из-под рук его в тесто попадает грязь, сор, — значит — хлебопек не думает о людях, которые будут есть хлеб, или же считает их ниже себя, или же он — хулиган, который, полагая, что „человек не свинья, все съест“, нарочно прибавляет в тесто грязь. В нашей стране наш читатель имеет особое глубокое обоснованное право на уважение, потому, что он — исторически — юноша, который только что вошел в жизнь, и книга для него — не забава, а орудие расширения знаний о жизни, о людях.

Судя по тому, как вы разработали тему рассказа „Обгон“, вы сами относитесь к действительности нашей очень поверхностно.

Тема рассказа — нова и оригинальна: мать-ткачиха соревнуется с дочерью в работе; на соревнование вызвала ее дочь, но мать, работница более опытная, победила дочь.

Победа матери требовала от вас юмори-

стического отношения к дочери, это было бы весьма поучительно для многих дочерей и сыновей и было бы более правдиво. Победа эта не могла не вызвать со стороны старых рабочих хвастовства перед молодежью своим опытом, — это вами не отмечено. Вы догадались, что соревнование должно было повлиять на домашние, личные отношения матери к дочери, но не договорили этого. Перед вами была хорошая возможность показать на этом, сравнительно мелком, факте взаимоотношения двух поколений. Вы этой возможности не использовали. В общем же вы скомкали, испортили очень интересную тему, совершенно не поняв ее жизненного значения.

Как все это написано вами? Вы начинаете рассказ фразой: „Вечер не блистал красотой“. Читатель вправе ждать, что автор объяснит ему смысл этой странной фразы, расскажет: почему же „вечер не блистал“? Но вы, ничего не сказав о вечере, в нескольких строчках говорите о поселке, которому „не досталось своей невеликой части кудрявой весны“. Каждая фраза, каждое слово должно иметь точный и ясный читателю смысл. Но я, читатель, не понимаю: почему поселку „не досталось невеликой части весны?“

Что же — весну-то другие поселки разобрали? И — разве весна делится на поселки Иваново-Вознесенской области не на равные части?

Далее — через 6 строк вы пишете:

„Нестерпимая тишина была прижата сине-черным небом и задыхалась в тесноте“. Почему и для кого тишина „нестерпима“? Это вы забыли сказать. Почему весенним вечером небо „сине-черное“? Что значит: „тишина задыхалась в тесноте“? Может быть, так допустимо сказать о тишине в складе товаров, но, ведь, вы описываете улицу поселка, вокруг него, вероятно, поля, а над ним „сине-черное небо“. В этих условиях для тишины достаточно простора и „задохаться“ тишине — нет оснований.

Все девять страниц рассказа написаны таким вздорным языком. Что значат слова: „довольно ответственно заявила“? „Особенно рачить было не для кого“. Может быть, вы хотели сказать „радеть“? Странное, неблагоприятное и редко употреблявшееся слово „рачить“ давно не употребляется, даже „рачительный“ почти забыто. В другом месте у вас „теплилась ехидца“. Ехидство — от ехидны, змеи. Змея — холоднокровна. Подумайте: уместно ли здесь словечко — „теплится“?

Анализируя другие недостатки присланных очерков, А. М. Горький заканчивает письмо следующими поучительными для очень многих начинающих авторов словами:

„Почему я так много пишу по поводу вашего безнадежно плохого рассказа на хорошую тему?

Вот почему: многие из нас, кандидатов на „всемирную славу“, торопясь „одним махом“ доскочить до нее, хватаются за темы серьезного, глубоко жизненного значения. Но вы их комкаете, искажаете, компрометируете, — засыпая хламом пустыньких, бездушных или плохо выдуманных слов.

За этими темами скрыты живые люди, большие драмы, много страданий героя наших дней — рабочего. Не скажет он, рабочий, спасибо вам за то, что вы уродуете действительность, которую он создает из крови и плоти своей.

Не скажет. А если скажет, так что-нибудь гораздо более резкое, чем говорю я“.

Как видно из отрывков этого письма, А. М. Горький требовал от М. Шошина, как и от всех молодых литераторов, глубокого знания жизни и нетерпимости к недооценке литературного мастерства.

Письма А. М. Горького бесспорно оказали

Сильное влияние на творческую практику М. Шошина, ибо сам по себе один только факт переписки А. М. Горького с М. Шошиным уже налагал громадную моральную ответственность на молодого автора и являлся большой движущей силой в развитии его творчества.

Большинство произведений М. Шошина (очерки, рассказы и повести) написано о деревне.

Темы, связанные с классовой борьбой в деревне, решались писателем в целом и правильно, и интересно. В двух небольших сборниках рассказов, обобщающих ранние произведения М. Шошина — „Инструктор Птахин“ и „Таракан“, изданных Иваново-Вознесенским издательством „Основа“ в 1925 г. — даются картины культурной революции в деревне.

Молодой парень Птахин с жадностью поглощает новости из газет и книг, в стужу и слякоть ходит из деревни в деревню, делает доклады „О текущем моменте“, беседует с крестьянами по самым различным вопросам их жизни, культуры и быта. М. Шошину в небольшом рассказе „Инструктор Птахин“ удалось запечатлеть образ подвижного, энергичного, уверенного в своих силах агитатора,

на пути которого то и дело встают самые неожиданные и большие трудности.

В рассказе „Таракан“ писатель говорит о том, как от суеверного старика-эгоиста с кулацкими замашками уходит жена Наталья, решившая жить по-новому.

Ранние рассказы М. Шошина нередко были перегружены тяжеловесными фразами и грубоватыми выражениями, но, при всем этом, писатель обнаруживал ясное понимание социальных и бытовых процессов, происходящих в деревне. Знание живой разговорной речи сельских жителей, „чувство дружбы к людям“, о чем в свое время писал М. Шошину А. М. Горький, явились источником здорового, теплого юмора в произведениях М. Шошина.

В 1929 году в Московском издательстве Центросоюза вышла первая повесть М. Шошина „Село врагов“. Тот, кому и сегодня попадет эта небольшая книжка, изданная двадцать лет назад, с удовольствием прочитает ее и живо представит себе, как быстро ломались старые устои деревни, как кооперация выживала купцов-самогонщиков, как вырастали люди в советских условиях. В свое время А. М. Горький предложил М. Шошину доработать эту повесть и затем напечатал

ее в возглавляемом им журнале „Наши достижения“.

Среди книг, написанных М. Шошиным в последующие годы, обращают на себя внимание „Конец Пошехонья“ (Сельхозгиз, 1932 г.), „Последний батрак“, „Астра“, „Большая семья“, „Переход“, „Огни“, „Петряевский мельник“, „Светлый день“, вышедшие в Ивановском областном издательстве между 1934 и 1947 годами.

Увлекательной по своей композиции явилась книжка „Конец Пошехонья“, написанная на конкретном фактическом материале: даже с цифровыми данными она не была скучной, и хорошо воспринималась читателями.

„До революции, — пишет автор, — ходило много книжек и лубочных картин о сказочной, преглупейшей, уморительной жизни и удивительных странных, небывалых приключениях пошехонцев...

Пошехонцы толком в проруби разводили. Пошехонцы лаптем щи хлебали...

И таких историй про Пошехонье ходило множество... Пошехонская сторона в прошлом — край глухой, заброшенный, край кулацкого произвола и засилья. До революции пошехонец пребывал в такой нищете, замордованности и отупении, что эти сказки каза-

лись пустячками перед лицом звериной действительности пошехонской деревни“.

Далее М. Шошин рассказал, как неузнаваемо изменилось Пошехонье в годы сплошной коллективизации, как исчезли с лица земли „медвежьи углы“, некогда бывшие во власти кулаков-мироедов, темноты и невежества.

Изображению жизни советской деревни М. Шошин посвятил книги „Последний батрак“, „Переход“, „Огни“, „Петряевский мельник“ и „Светлый день“. Повесть „Последний батрак“ вышла в 1934 г. В ней рассказывается о росте классового сознания батрака, деревенского юноши, который разоблачает кулака, предвидящего свою гибель и бежавшего из деревни в город.

В 1937 году писатель публикует повесть „Переход“. В ней раскрывается картина начала коллективизации. В повести ярко показаны переживания бедняка Мелентия Охапкина, пытающегося сначала устроить свою жизнь вне колхоза, но скоро убедившегося, что единственный путь к счастью — это колхоз.

Советскую деревню, жизнь и труд ее людей в годы Великой Отечественной войны и после её М. Шошин показал в повести „Петряевский мельник“, а также в сборнике

рассказов „Светлый день“. Сборник „Светлый день“ включает в себя двадцать три небольших рассказа. Все они близки друг к другу по своей тематике. Писатель повествует о трудовом героизме колхозников, о людях, живущих в большом и дружном коллективе. Рассказы написаны неравноценно. В некоторых из них человеческие характеры только намечены и недостаточно глубоко раскрыты. Иные рассказы представляют собой варианты одного замысла. Так, автор не раз дает образ умных, трудолюбивых мальчиков, заменивших в хозяйстве своих отцов, ушедших на фронт. Все эти мальчики мало чем отличаются друг от друга, они почти однотипны в рассказах „Хозяин“, „Левон и Стенька“, „Заботники“ и др. Также однотипно разработана писателем тема возвращения колхозников с фронта в рассказах „Весенний шум“, „Иван из Иванова“, „Возвращение Осипа Петровича“. Но в целом сборник „Светлый день“ оставляет хорошее впечатление, дающее возможность правильно представить отдельные яркие стороны послевоенной колхозной жизни.

Бесспорным шагом вперед в творчестве М. Шошина явился его роман „За рекой Выремшей“, опубликованный в девятом и деся-

том номерах „Ивановского альманаха“, затем вышедший отдельным изданием в Ивановском областном государственном издательстве. Литературная критика и читатели одобрительно отнеслись к роману.

„За рекой Выремшей“ — это развернутая и вместе с тем интересная картина колхозного строительства в послевоенные годы. Сама по себе тема романа не новая. Читатели уже знакомы с ней хотя бы по таким популярным произведениям, как „От всего сердца“ Е. Мальцева, „Кавалер Золотой Звезды“ С. Бабаевского и другим. Однако советская действительность столь богата и многогранна, а люди, строящие коммунизм, столь замечательны своими морально-политическими качествами, что одаренный и вдумчивый писатель всегда сумеет в нашей жизни найти факты и события, способные по-новому волновать читателей.

В романе М. Шошина „За рекой Выремшей“ правдиво нарисована картина колхозной деревни сегодняшних дней. Читатель легко может почувствовать, что автор романа хорошо знает советскую деревню, знает ее историю, ее нравы и быт, старается вникнуть во все новое и замечательное, что в ней происходит.

Книга „За рекой Выремшей“ — это не результат литературного наблюдения писателя, побывавшего в колхозах в „творческой командировке“, она является плодом многолетней, тесной связи автора с советской деревней. Об этом свидетельствуют и язык книги, и описание природы, и теплый юмор, а главное, — сами герои, труженики социалистических полей. Не вдаваясь в подробный анализ книги, выделим в ней основной идейно-художественный замысел, определяющий ее положительное значение.

М. Шошин не скрывает от читателей, как в одном из колхозов, в селе Думине, в годы войны хозяйственные дела ослабли, а председатель колхоза Нефед Степаныч растерялся и не нашел в себе способностей выправить дело. До войны думинский колхоз был одним из сильных, и это заставляло колхозников открыто критиковать незадачливого председателя, тем более, что соседний колхоз славился своими успехами. С окончанием войны в Думино вернулись его прежние жители: Алексей Ивонин, Наум Чаянов, Тихон Старостин и другие. Они, „солдаты Сталина“, как их именует в своих литературных записках бывший фронтовик, ныне колхозник, Наум Чаянов, с честью прошли по суровым

• дорогам войны, сражаясь за свободу и независимость своей Родины. После войны колхозная семья думинцев вновь стала многолюдной. Но не все в этой семье выглядело благополучно. Ветреная и нетрудолюбивая Анфиса изменила своему мужу — фронтовику Тихону Старостину; отдельные члены колхозного коллектива (Ныртиков и Косачев) отлынивают от работы в артели, предпочитая увлекаться легким заработком на стороне; председатель колхоза Нефед Степаныч, положительный человек по своему характеру, теряется в трудные минуты, болезненно воспринимая критику окружающих.

✓ Вернувшегося с фронта Алексея Ивонина избирают секретарем колхозной партийной организации. И потому, как он берется за дело, как организует колхозников, как строит свои взаимоотношения с председателем колхоза, — читатель видит в нем образ коммуниста-организатора, умеющего направить волю и способности коллектива на путь борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхоза, за выращивание высоких и устойчивых урожаев, за культурную и зажиточную жизнь колхозников.

Именно в этом и раскрывается идейно-художественный замысел романа. Автор по-

ставил перед собой благородную и вместе с тем ответственную задачу — показать роль одного из большевистских руководителей сельских партийных организаций, раскрыть образ способного, умного секретаря Алексея Ивонина. К заслугам М. Шошина надо отнести его умение показать Ивонина так, что читатель ревниво следит за развитием его поступков. Ивонин — настойчивый и находчивый коммунист, он готов выполнять самую черновую работу, но он не станет делать то, что положено выполнять другим людям, и будет добиваться от них нужных результатов. В данном случае очень характерна линия взаимоотношений Ивонина с председателем артели Нефедом Степанычем. Ивонин не желает подменять председателя и, прежде всего, потому, что он видит в нем человека, способного решать вопросы самостоятельно. Когда некоторые колхозники жалуются Ивонину на высокомерие или нечуткость председателя, говоря о том, что не мешало бы, мол, во главе колхоза поставить другого человека, — секретарь партийной организации внимательно реагирует на эти жалобы, но нигде не намерен соглашаться с предложением заменить председателя, так как в Нефеде Степаныче видит человека, умеющего

преодолеть свои недостатки и стать примерным руководителем колхоза. Делает это Ивонин далеко не без трудностей. Для того чтобы сбить „спесь“ с председателя, указать ему на неправильное поведение, понадобилось созвать собрание коммунистов. Говоря на собрании об ошибках председателя, Ивонин предлагает:

„— Надо перед всеми признать свои ошибки и не повторять их. Это первое. Второе: перестань ты, Нефед Степаныч, вилять душой перед государством...

— Это уж, товарищи, слишком, — возмущенно развел руками председатель, обращаясь к собранию...

— Да-а, вилять душой, — повторил Алексей. — В районе ты, Нефед Степаныч, сваливаешь все на колхозников, а среди колхозников — на район. Где твое отношение к такому, например, делу, как артельный огород? Принял план — выполняй, сам гори и людей зажги. А ты в сторону встаешь: „район велел, не я — выполняйте“. Так недостойно вести себя, Нефед Степаныч, ты ведь руководитель артели“...

Прямота Ивонина на собраниях и в беседах, умение организовать людей, умение видеть светлые и теневые стороны в жизни

каждого человека позволяют ему правильно руководить сельской партийной организацией и осуществлять свое влияние на всех колхозников.

Читатель живо воспринимает картины экономического роста думинского колхоза. Мужает колхозный коллектив, растет авторитет руководителей — Иволина и Нефедя Степаныча, растут в труде и рядовые колхозники. Два урожая картофеля за одно лето снимает бригада Мирона Батманова, перестали быть лодырями Ныртиков и Косачев, колхозная молодежь становится большой силой — все это и многое другое М. Шошин передает правдиво, тепло, с незаурядным знанием своих героев, их труда и быта.

Роман „За рекой Выремшей“ больше, чем какое-либо другое произведение М. Шошина, окрашен здоровым, свежим юмором. Благодаря этому читатель яснее видит облик отдельных героев, пристальнее следит за их поведением. Естественно и оригинально выглядит в романе образ Наума Чайнова. Наум всегда проявлял большой интерес к рассказам отца, деда, к сельским преданиям. Его особенно привлекали „исторические памятники, исторические места“.

Колхозники любят слушать умные рассказы

Наума. Начнет он с шутки, а кончит разговором, который заставит слушателей и посмеяться и серьезно задуматься. Когда друзья говорят о его начитанности, о его учености, он отвечает:

„— ...Эта образованность в нашем роду из века в век ведется. Мой дедушка имел дом-особняк: четыре столба врыты да бороной покрыты... Коров-то было шесть и все в одну шерсть: корова бура, да корова будет, да корова есть, да двух коров даст теть, да двух коров не устерегли от воров... — Слушатели смеются, а на лице Чайнова ни единой усмешки.

Погруженный в прошлое, он задумчив и угрюм.

— Это сказка, а быль впереди, — продолжает Наум Чайнов. — Был этот мой богатейший дедушка, как и все мужики села Думина, помещицы Староносовой крепостной тяглец. Староносова по обличью, как говорят за границей, — мадонна, а по зубам — собака. Она так доняла думинских мужиков, что лопнуло у них терпение и решили они ее прикончить. Но как это сделать? Думали-думали и обдумали. Составили план. Главной горничной у барыни служила родная сестра моего дедушки — Капитолина. Вот дедка мой

и подговорил сестру на это дело и произвел точные расчеты, когда и каким способом все совершить. Пошла в субботу барыня в баню. А стояла эта баня в саду, в уголке, в отдалении. Вошла она в предбанник, а горничная вдруг и говорит: „Ай, барыня, белье-то я забыла“. Барыня принялась ее бить и бранить. „Беги скорее, такая-сякая, неси скорее, чтобы одна нога здесь, а другая там“. Та побежала, а мужики в это время к барыне... Мой дедушка передом шел и сразу за нее принялся, порезал немного и вдруг шепчет: „Не могу больше, страшно мне“. Мужики говорят: „Не всем же руки марать, кончай ее...“ Мой дедушка послушался товарищей и тут же вложил ножик в правую барынину руку, которой она с утра до вечера хлестала дворовых девок по щекам. А ножик был барский, с ручкой из слоновой кости, его Капитолина достала с барского стола. Наследники Староносовой велели хранить этот ножик в думинской церкви, в алтаре. Ручка, сказывают, из слоновой кости и вся чистым золотом отделана. Хранился он в алтаре до восемнадцатого года. Тогда дьячок... был шалый такой... как почувствовал послабление церкви, так ножик-то и пропил...“

Подобных страниц, полных юмора, в книге

М. Шошина немало. Но Наум Чаянов показан в романе не только человеком, живо интересующимся стариной и историческими памятниками, — это лишь одна из сторон его характера.

Чаянов не в меньшей степени вникает в современность и именно он в часы досуга ведет своеобразную летопись послевоенной колхозной жизни, кропотливо заносая в листы бумаги свои проникновенные наблюдения.

Роман М. Шошина и заканчивается записью Наума Чаянова, подводящего итог славных дел думинских колхозников.

„...Может быть, исписанная мною эта книга сохранится, будущие думинцы, наши дети и внуки, разберутся в ней и увидят, как жили и работали их отцы и матери, бабушки и дедушки после Великой Отечественной войны, как чувствовали себя и трудились в мирной жизни вернувшиеся с победой на родные поля солдаты великого Сталина“.

Книга М. Шошина читается с интересом.

Но в романе „За рекой Выремшей“ есть и существенные недостатки. Если писателю хорошо удались картины коллективного труда — пахота, сенокос, строительство избы вдове

Тепловой и другое, то не всегда М. Шошин умеет развернуть образы своих героев, и это надо отнести даже к главному герою книги — Алексею Ивонину. При всех достоинствах Ивонин выглядит в романе несколько ограниченным. Он — неплохой организатор, но духовная жизнь его показана бледно. По крайней мере, не видно, какими книгами Ивонин интересуется, что он читает, как он работает над повышением своего идейно-политического уровня, — все это не должно было ускользнуть от писателя при раскрытии характера коммуниста, тем более руководящего работника. Без этого невозможно создать полноценный образ большевика. Ограничивая характер Ивонина лишь его организаторскими способностями и обедняя его духовную жизнь, М. Шошин допустил в романе еще и другой пробел, показав думинских колхозников так, будто они знают только свое Думино и не выходят за его пределы. На самом деле жизнь сегодняшней колхозной деревни куда более богаче, разнообразнее, чем она представлена писателем в некоторых картинах романа.

Далее следует сделать М. Шошину еще один весьма серьезный упрек. Несмотря на свою непрерывную 25-летнюю творческую

работу, он не создал такого произведения, которое бы встало по своему уровню в ряд крупных произведений советской литературы. Даже роман „За рекой Выремшей“, при всех его достоинствах, далек от художественного совершенства и не всегда верно отражает в себе все многообразие жизни колхозной деревни. Это у М. Шошина происходит, прежде всего, из-за торопливости. Вскоре после романа „За рекой Выремшей“ писатель опубликовал в „Ивановском альманахе“ № 11 повесть „Шумит пшеница“, являющуюся не творческим шагом вперед, а бледным слепком с его романа. Чувствуется однообразие в развитии характеров, ограниченность изобразительных средств, а главное, — удовлетворение самого автора средним успехом.

В литературе не только нельзя, но даже вредно довольствоваться средним успехом, тем более, если это длится свыше двух десятилетий.

М. Шошину должно быть ясно, что для него давно настало время написать такую книгу, которая бы получила широкое признание далеко за пределами нашей области. Не каждому писателю это дано, тем не менее не стремиться к этому — значит расписаться в творческом недомогании.

Читатель вправе ожидать от М. Шошина книг, воплощающих всю полноту трудовой и духовной жизни советской деревни. Оправдать такое ожидание — прямой долг и благородная цель писателя.

ПОЭЗИЯ М. ДУДИНА

Михаил Александрович Дудин — наш земляк. Здесь, в Иванове, он провел свои юные годы, здесь он начал литературную деятельность, отсюда ушел воевать с белофиннами, а позднее с немецко-фашистскими захватчиками. М. Дудин принадлежит к молодому поколению поэтов. Его талантливые стихи широко известны читателям нашей страны и тем более ивановцам. Они не без законной гордости следят за творческим ростом поэта.

Десять лет прошло с тех пор, как в Ивановском областном государственном издательстве вышел его первый небольшой сборник стихотворений. За это время поэт прошел интересный жизненный и литературный путь, достойный внимания читателей. Цель настоящей статьи — дать творческую характеристику поэта, стихи которого поют величие нашей Родины, величие советского человека,

Михаил Александрович Дудин родился в 1916 году в семье бедного крестьянина деревни Кленево, Середского района, Ивановской области. В его жизни сказались характерные черты людей, выращенных и воспитанных советским государством. Советская власть сделала их образованными, культурными строителями социалистического общества, выковала в них драгоценные качества мужественных защитников Родины, носителей самых передовых, революционных идей.

Образование М. Дудин получил сначала в школе колхозной молодежи, потом в фабрике-школе, затем в Ивановском вечернем педагогическом институте. В 1930 году М. Дудин вступает в ряды ВЛКСМ. К этому времени относятся и его первые литературные опыты. Работая ткацким помощником мастера, он все более тяготеет к литературе, и скоро из-под его пера выходят стихи, которые печатаются то в пионерской газете „Всегда готов“, то в комсомольской газете „Ленинец“. Сотрудничая в „Ленинце“ сначала как рабкор, М. Дудин затем переходит работать в аппарат редакции. Круг его литературных интересов и культурный кругозор стано-

вятся шире, ивановцы все чаще знакомятся с его стихами; он печатается в областной газете „Рабочий край“, в журналах „Пламя“, „Звено“ и других областных изданиях.

1939 год стал для М. Дудина переломным этапом жизни во многих отношениях. В этом году он был призван в ряды Советской Армии, и вскоре ему пришлось стать участником исторических сражений с белофиннами. Будучи рядовым красноармейцем-разведчиком полковой батареи, он проявляет находчивость и мужество, за что в 1940 году получает от правительства первую боевую награду — медаль „За отвагу“.

Во время Великой Отечественной войны молодой поэт сражался в рядах героических защитников полуострова Ханко (Гангут). Беспрецедентные подвиги советских воинов дают М. Дудину богатый материал для новых стихотворений и поэтических образов. Принимая непосредственное участие в этой войне, он стал острее видеть, глубже переживать происходящие события. М. Дудин не скажет, что шквал огня, непрерывные круглосуточные сражения и ежеминутные тревоги боевой обстановки мешали ему быть поэтом и писать стихи. Именно в это время, когда на его глазах рвались снаряды, когда и его

жизнь каждый миг могла оборваться, поэт-воин мужал и духовно рос, а его стихи становились все более выразительными, звучащими, трогающими читателя полнотой и искренностью чувств.

Если ранее стихи М. Дудина не выходили за границы областной печати, то теперь, в годы войны, он публикует их в центральных журналах и сборниках, идущих во все края Советской отчизны. М. Дудин хорошо осмыслил задачи советского поэта, жизнь которого должна гореть во имя Родины, во имя народа.

Только тот настоящий поэт, кто готов всю свою жизнь без остатка посвятить служению народу, кто умеет бесстрашно стоять на передовой линии огня, на переднем краю строительства и видеть завтрашний день все новых и новых побед. Характерно с этой точки зрения стихотворение М. Дудина „Поэт“, где говорится:

Поэт
Не плетется в хвосте наугал,
С тоской обрученный калека.
Поэт —
Это правофланговый солдат,
Разведчик грядущего века...
И, если он полного взлета достиг,
Пусть каждый в работу взглянется,

Как в зеркало:
Честно сработанный стих
Действительно кровью дымится.

В первые месяцы Великой Отечественной войны, в пору героической защиты полуострова Ханко, поэт-воин печатает свои, полные мужества, стихи в дивизионных газетах „Красный Гангут“ и „Защитник родины“. После того, как произошла эвакуация с полуострова Ханко, поэт работает в кронштадтской газете „Огневой щит“, потом во фронтовой газете „На страже Родины“. К этому времени стихи М. Дудина начинают выходить в центральных издательствах отдельными сборниками, тепло встречаемыми как читателями, так и литературной критикой.

К 1949 году у М. Дудина вышло тринадцать сборников стихотворений. Первый из них был издан ИВГИЗ'ом в 1940 году под названием „Ливень“. В этом же году ИВГИЗ выпустил книжку для детей „Веселый двор“, написанную М. Дудиным совместно с другим одаренным поэтом — Владимиром Кудриным, погибшим смертью храбрых в дни Великой Отечественной войны. Все другие сборники стихотворений М. Дудина вышли в Ленинграде или Москве. Хронология выхода этих сборников следующая: „Фляга“, „Военная

Нева“, „Битые козыри“ — 1943 г., Ленинград; „Стихи“ — 1943 г., Москва, издательство „Молодая гвардия“; „Костер на перекрестке“, „Дорога гвардии“ — 1944 г., Ленинград; „Переправа“ — 1945 г., Ленинград; „Стихотворения“, „В степях Салавата“, „Семья“, „Цветы на камне“ (переводы стихотворений башкирского поэта Мустая Карима) — 1949 г., Ленинград. Сейчас Ивановское областное государственное издательство готовит к печати сборник стихотворений М. Дудина, который явится творческим итогом его предшествующей литературной деятельности.

Уже в первом сборнике стихотворений „Ливень“ нельзя было не заметить одаренности молодого автора, особенностей его творчества. В чем же состоят эти особенности? Ранние стихи М. Дудина, вошедшие в сборник „Ливень“, свидетельствовали, прежде всего, о широком круге интересов автора. Начав свою литературную деятельность в Иванове, в городе богатых революционных традиций, в городе славных текстильщиков, молодой поэт живо интересуется как современными ему темами, так и революционным прошлым. Имена М. В. Фрунзе, В. И. Чапаева, старых ивановских большевиков С. И. Балашова и других волнуют М. Дудина, рождая

все новые поэтические образы. В сборнике „Ливень“ мы видим небольшую поэму „Ольга“, где с присущей М. Дудину лирической взволнованностью рассказывается о зверском убийстве черносотенцами девушки-революционерки Ольги Михайловны Генкиной. 16 ноября (старого стиля) 1905 года О. М. Генкина приехала из Москвы в Иваново-Вознесенск. Она привезла с собой в чемодане 10 револьверов и около 400 патронов. Сдав чемодан на хранение горничной женской комнаты на вокзале, О. М. Генкина отправилась разыскивать явочную квартиру большевика С. И. Балашова. Тем временем шпики узнали о чемодане с оружием и подготовили девушке-революционерке кровавую засаду. Когда О. М. Генкина вернулась на вокзал, на нее напала оголтелая толпа черносотенцев; ей рвали косы, избивали ее железными болтами до тех пор, пока не изуродовали все тело до неузнаваемости. Этот трагический эпизод с О. М. Генкиной и лег в основу небольшой поэмы М. Дудина „Ольга“.

Нельзя не чувствовать, как автор, описывая кровавую расправу над юной революционеркой, сам мучительно переживает это событие, ищет нужные слова для того, чтобы тронуть читателя своими переживаниями.

Описывая картину расправы над героиней поэмы, автор с горечью сожалеет, что он не мог ей ничем помочь, и только неугасимый гнев, навеянный этим событием революционного прошлого, горит в его молодом поэтическом сердце:

Ольга, стой и мужайся!
Сейчас начинаются муки,
Крепнет ярость моя.
Я не в силах ее превозмочь.
Но бессилен мой стих.
И не нужны упругие руки.
Я стою как свидетель,
Ничем не умея помочь.

Революционные герои прошлого живо интересовали М. Дудина. На примерах их подвигов во имя народного счастья воспитал себя молодой поэт.

В другой небольшой поэме „Маруся Рябинина“, вошедшей в сборник „Ливень“, поэт запечатлел образ юной ивановской ткачихи, героически погибшей в битве с Колчаком. Маруся Рябинина ушла на фронт гражданской войны в 1919 году, была рядовым бойцом славной Чапаевской дивизии, погибла в то время, когда с винтовкой в руках шла в наступление на врага через реку Кинель. Образ этой замечательной девушки-ткачихи

впервые в литературе дал Д. А. Фурманов в романе „Чапаев“ и в рассказе „Маруся Рябинина“. М. Дудин раскрыл ее облик в поэме, которая заканчивалась следующими словами:

Течет, бежит река Кинель,
Шумит, журчит волной.
На берегу ее крутом
Есть холмик земляной.
Там ива клонится над ним,
Роняя тень свою.
На иве той звенят щеглы,
Малиновки поют;
Поют о том, что над страной
Встал радужный рассвет,
Что было девушке тогда
Лишь восемнадцать лет.
Заря взойдет, и упадет
И дрогнет яркий лист,
И отдохнуть сюда придет
Веселый гармонист.
И скажет: „Я живу, расту,
Мне восемнадцать лет,
И ты живешь в моей стране,
Хотя тебя здесь нет.
Дела и подвиги твои
Цветут и будут цвести“...

В первом сборнике М. Дудина хорошо звучат и такие стихи, как „Песня ткачей“, „Музыка“, „На Красной площади“ и некоторые другие, свидетельствующие о созревании

творческого таланта молодого поэта и о том, что текстильное Иваново с его богатым революционным прошлым послужило для поэта хорошим источником впечатлений и поэтических образов. И, наоборот, там, где М. Дудин отходил от общественно-политической тематики, замыкаясь в рамки созерцания природы, выскивая какие-то сверхоригинальные литературные сравнения, — там стихи его становились бледнее, несмотря на кажущуюся цветистость языка. Так, в стихотворении „Листопад“ М. Дудин пишет:

Свернется пыльный подорожник,
Притихнет опустелый сад.
Придет отчаянный картежник, —
Растратчик щедрый — листопад,
Поставит ставку. Проиграет
И снова наберет очки.
И дуб зеленый разменяет
На золотые пяточки.

Далее все стихотворение выдержано в таком же тоне, с претензией поразить читателя неожиданными сравнениями и метафорами, изображающими пору листопада. Нельзя отрицать, что и тут есть интересные поэтические находки, но беда в том, что это стихотворение в целом, так же, как и стихи „И снова август“, „Воспоминание“ и некоторые

другие, как бы чужеродны основным мотивам творчества М. Дудина. В этом нетрудно убедиться, если проследить творческий рост поэта по сборникам стихотворений, вышедшим в военные и послевоенные годы.

М. Дудин был на войне с первых дней героической обороны Родины до всемирно-исторических дней победы над немецко-фашистскими захватчиками. Будучи в самых напряженных битвах, поэт помнил о родном городе Иванове, где он вступил в комсомол и стал писать первые стихи. Он не раз горячо вспоминает Иваново в своих стихах военных лет, вспоминает Кинешму и Решму, что стоят на берегу красавицы Волги. В марте 1943 года М. Дудин пишет стихотворение „У Кинешмы и Решмы“, где, говоря о красоте родных мест, заканчивает его характерными словами:

Пусть битвы будут долги,—
По пеплу черных трав
Приду на берег Волги
Сквозь сорок переправ.

Недалеко от М. Дудина, защищавшего от яростных атак врага полуостров Ханко, сражался другой поэт - ивановец Алексей Лебедев. А. Лебедев еще на школьной скамье,

в семилетке, мечтал о службе на море. Мечта его осуществилась: он стал подводником Балтики. Находясь на военной службе, А. Лебедев быстро стал проявлять свои замечательные дарования. С первых дней Великой Отечественной войны он принимал участие в самых сложных и ответственных операциях подводного флота. В одной из таких операций, являясь штурманом подводной лодки, он погиб в ноябре 1941 года. М. Дудин в связи с гибелью земляка-поэта и храброго воина пишет стихотворение „Памяти Алексея Лебедева“, начинающееся словами:

Мы должное твоей заплатим славе,
Мы двести раз пойдем в упрямый бой,
Мы до конца гордиться будем вправе
Твоею песней и твоей судьбой.
Туман и шторм. Соленый привкус моря.
Но, крепко взяв за шиворот судьбу,
Всю остроту и накипь злого горя
Включаем мы в свирепую борьбу.

Эти строчки звучат как клятва Родине, родному городу, другу, погибшему за Родину.

В годы Великой Отечественной войны и после ее в стихах М. Дудина преобладает военная тематика. Это совершенно законо-

мерно для поэта, принимавшего участие с оружием в руках в такой войне, которую не могло бы вынести ни одно другое государство мира. М. Дудин написал немало замечательных произведений, получивших широкое признание читателей. Его стихи, написанные в годы войны и в послевоенное время, являют собой положительный вклад в советскую поэзию как по своему идейно-политическому содержанию, так и по красоте формы. Стихи, вошедшие в сборники „Костер на перекрестке“, „Дорога гвардии“, „Переправа“, свидетельствуют о зрелости таланта поэта, трогают читателя глубиной поэтических чувств, раскрываемых в выразительных и сильных словах.

М. Дудин, осмысливая значение поэта как „правофлангового солдата“, углубляет это понятие в ряде стихотворений. Участь у В. В. Маяковского партийной остроте поэзии, он не раз пишет о том, какую роль должны играть стихи, каким замечательным оружием являются они в руках советского народа. Так, в одном из лучших своих стихотворений „Дорога гвардии“, где поется торжественно-трогательная песнь мужественной и нерушимой дружбе гвардейцев, М. Дудин заявляет:

Она превыше всех житейских правил,
Честней и тверже всех житейских дел.
Чтоб этот стих, как штык, в бою не ржавел,
Чтоб этот штык в бою, как этот стих, звенел,—
Пускай с меня за пятерых берется, —
Я все обязан на себя принять,
За всех друзей дожить и добороться...

Образ великого Сталина, олицетворяющего собой все самое прекрасное на свете, образ вождя советского народа и всего прогрессивного человечества стремится раскрыть М. Дудин в ряде самых задушевных, самых взволнованных стихотворений.

Я славлю гений Сталина! Он ведал
О празднике грядущем наперед.
Орлиным взглядом увидал побелу
И к ней привел разгневанный народ.
Он оценил, он все осмыслил разом.
Да будет вечен этот ясный разум
За то, что путь народу осветил,
На радость богатырскому народу
Весь дух его и всю его природу
В своих делах навеки воплотил...
Свободна наша гордая держава,
Цветам цвести и зреть плодам опять!
Хвала вождю и полководцу слава,
И этой славе на века сиять!

(„Ода победе“).

Стихам М. Дудина, особенно там, где изображается Великая Отечественная война, свойственна здоровая, задорная, романтическая

приподнятость, полная жизнеутверждающих чувств и переживаний. М. Дудин умеет видеть сквозь дымовые завесы и артиллерийский огонь „цветные сарафаны“ вишневых садов, „пушистую седину вербы“, а главное — советских людей, кующих победу на фронте и в тылу. Поэт умеет в нескольких строчках запечатлеть героику сражений:

И снова поют над Полтавою трубы,
И тонут в раскатах огня
И рыжая грива, и белые зубы,
И острая морда коня.

(„Табун“)

М. Дудину в нескольких словах удается создать яркий, навсегда запоминающийся образ советской гвардии, умеющей наносить удары врагу, казалось бы, в самых необыкновенных, нечеловеческих обстоятельствах:

Где сердце давит тяжкая остуда
И судорога скашивает рот;
Где нет вершка живой земли, — отсюда
Она разбег стремительный берет.

(„Дорога гвардии“)

Много замечательных стихотворений написал М. Дудин о Великой Отечественной войне. Он писал об этой войне и после того, как она закончилась, он не раз еще вернет-

ся к ней и в будущем. Это вполне оправдано и оправдано, прежде всего, потому, что в годы Отечественной войны с невероятной силой раскрылись величие и могущество советского человека. Но М. Дудин в то же время понимает, что послевоенная обстановка ставит перед писателями и другие насущные темы. Советский народ, одержав победу в Великой Отечественной войне, с огромным воодушевлением трудится над выполнением плана послевоенной сталинской пятилетки, под знаменами большевистской партии он уверенно идет к коммунизму, выступает во главе многомиллионного лагеря борцов за мир. Трудовые подвиги советских людей, их экономическое и духовное богатство, их уверенная поступь мирного строительства вдохновляют все прогрессивное человечество земного шара на борьбу против англо-американских поджигателей новой войны.

Героика мирного строительства дает М. Дудину также богатый материал для стихов. Поэт идет в ногу со временем, он заявляет:

Тебя не ждет
Оконченное дело.
Одним воспоминаньем жить нельзя,
А новый день трубит над миром смело,
Большой зарей по корпусам скользя.

Он праздничен,
Он грозен и обыден,
Со всех концов земного шара виден.

После войны М. Дудин публикует оригинальную поэтическую хронику „Семья“, изображающую людей самых разных профессий и специальностей, разных национальностей и возрастов, объединенных в одну громадную, дружную советскую семью, строящую коммунизм. Коммунизм стал для этой многомиллионной семьи все более осязаемым. Угнетенные люди мира, борясь против эксплуатации, колонизаторов и империалистических агрессоров, понимают, что только идеи коммунизма приведут их к счастливому будущему.

В цикле стихотворений „Считайте меня коммунистом“, получившем премию * журнала „Огонек“ за 1949 год, М. Дудин говорит, как:

Хозяин земли — трудовой человек,
Французский горняк, героический грек,
И негр из Техаса, и русский шахтер —
За правду народа вступающий в спор, —
Все чаще и чаще врагам говорит,
И слово его динамитом гремит
Сквозь дробь пулеметов и пенье свинца,
К великой борьбе окрыляя сердца:
„Считайте меня коммунистом!“

Из произведений М. Дудина, опубликованных в этом году, особенно обращают на себя внимание „Встреча на юбилее Пушкина“, „Красная площадь“ и „Слово о мире“ (напечатаны в журнале „Огонек“, №№ 1, 16, 28 за 1950 г.)

В поэме „Красная площадь“ через глубокие переживания лирического героя поэт выражает проникновенную любовь к Москве, где в Мавзолее покоится великий Ленин, где гениальный ум Сталина, следуя ленинским заветам, ведет советский народ к коммунизму.

Превосходно написана 5-я глава поэмы, рассказывающая о событиях в ночь на 7 ноября 1942 года, когда фашисты рвались к Москве, когда:

Сирены медные
До боли
Оглохший рвали небосвод.
И кремль, как крейсер в минном поле,
Шел безошибочно вперед.
А волны бились и хлестали
В борта напористей и злей.
В ту злую ночь товарищ Сталин
Спустился тихо в Мавзолей...
У Ильича просил совета
Его прямой открытый взгляд.
Я часто слышал, как про это
В народе нашем говорят.

А утром, в ранний час парада,
По этой площади литой
Шла войск бессчетная громада
И поворачивала в бой...
Так всю войну, пройдя лавиной
По далям выжженных полей,
Она держала до Берлина
Равнение на Мавзолей.

С наименьшей силой выразительности написана и 6-я глава поэмы, раскрывающая ликование и торжество победы, когда товарищ Сталин подымает тост —

За то, что мы врагов скосили,
За наш народ, его дела,
За то, что Родина Россия
Народам Ленина дала.

В конце поэмы М. Дудин говорит о немеркнущем огне „живого сердца Ильича“, о Родине, строящей коммунизм, об угнетенных народах мира, чьи взоры с надеждой устремлены к Красной площади, к Кремлю, к Мавзолею, к гению Сталина. Солнце ленинизма все выше поднимается над всей планетой, оно горит в миллионах больших дел и событий, —

А ярче всех передо мною
Оно пылает и горит,
Когда с Россией с и землею
Товарищ Сталин говорит.

Так М. Дудин заканчивает поэму „Красная площадь“, являющуюся одним из заметных произведений советской поэзии 1950 года.

Талантливо и уверенно звучит голос М. Дудина и в его „Слове о мире“ („Огонек“ № 28).

Следуя традициям Маяковского откликаться на все важнейшие события, М. Дудин сказал меткое, яркое и взволнованное „Слово“:

Нет!
Голос не сорвется,
Как струна.
В нем есть огонь
И твердость звонкой меди.
Планете нашей
Мир
Несет моя страна —
Разведчица
Прямых путей к победе.

Однако следует сказать, что не все стихи М. Дудина равноценны по художественным достоинствам.

Некоторые его стихи о Великой Отечественной войне несколько однообразны по своим литературным приемам. Например, поэт слишком часто прибегает к повторению одного и того же слова с целью усилить эмоциональную окраску стихотворений. Из-

вѣстно, что этот прием был блестяще использован в русской классической поэзии и, прежде всего, им великолепно пользовались Пушкин и Лермонтов. Нет ничего, конечно, плохого в том, что М. Дудин и другие советские поэты пользуются этим приемом. Умело использованное повторение одного и того же слова действительно усиливает эмоциональное содержание стиха, делает его выразительным и запоминающимся. Недостаток М. Дудина заключается лишь в том, что в отдельных стихотворениях он теряет чувство меры, слишком часто используя повторение одних и тех же слов.

Этого можно не заметить, если читать стихи М. Дудина, написанные в разное время и опубликованные в разных журналах и газетах. Но, как только начинаешь знакомиться с его книжками стихов, невольно приходишь к выводу, что поэт злоупотребляет повторениями одних и тех же слов или целых выражений. Это, пожалуй, единственно серьезный упрек, который можно сделать М. Дудину по формальному строю его стихов.

Говоря о творчестве М. Дудина, нельзя также не сказать о нем как о переводчике. Несмотря на небольшой опыт переводчика, М. Дудин уже сделал в этом направлении смелые и твердые шаги. Интересен даже сам выбор его переводов. М. Дудин интересуется как поэтами прошлого, так и наших дней. Удачны его переводы грузинского поэта прошлого столетия Николая Бараташвили. Имя Н. Бараташвили принадлежит к числу лучших имен классической грузинской поэзии XIX века. Несмотря на то, что до нас дошло не так уж много его произведений (несколько десятков стихотворений и одна поэма „Судьба Грузии“), тем не менее, по ним мы можем судить о поэте как о глубоко талантливом и оригинальном.

Интерес М. Дудина к Н. Бараташвили не случаен. Дело в том, что вся поэзия М. Дудина убеждает нас, что он наряду с учебой у лучших советских поэтов и, прежде всего, у Маяковского, немало учился у великих поэтов прошлого и, в первую очередь, у Пушкина и Лермонтова. Стремление осмыслить и усвоить замечательные традиции классической русской поэзии — одна из положитель-

ных сторон творчества М. Дудина. Что касается поэзии Н. Бараташвили, то она во многих отношениях родственна поэзии Лермонтова и по романтической окраске, и по тоске, и печали, вызванным ужасным положением родины того и другого, и по смелым и страстным порывам к борьбе за счастье Годины. Стихи Н. Бараташвили глубоки по своему содержанию, выразительны по своей художественной ткани, и это не могло не привлечь внимания молодого переводчика. М. Дудин перевел из Н. Бараташвили такие стихотворения, как „Роза и соловей“, „Пусть высохнут слезы“, „Чинара“, „Мерани“ и другие. М. Дудина привлекли в творчестве Н. Бараташвили, прежде всего, такие стихи, в которых великий грузинский поэт выражает сильное чувство к свободе, к самопожертвованию во имя счастья своего народа, во имя прекрасного будущего своей родины.

Одно из лучших стихотворений Н. Бараташвили в этом плане—„Мерани“—переведено на русский язык М. Дудиным значительно сильнее, чем это делали другие переводчики.

Мерани—это крылатый конь, сказочный образ, созданный грузинским народом. Обращаясь к Мерани, поэт выражает чувства

стремления к свободе, к подвигу, к борьбе за свободу:

Без дорог и тропинок Мерани летит наугад,—
Черный ворон за ним, зловещие очи горят.
Нет предела стремленью! Скорее, Мерани! Скорей!
Горечь мысли моей нарастающим ветром развей.
По горам и ущельям, под бешеной яростью вод
Пронесись, словно молния, в громе последнего дня.
Через холод и зной, через грохот земных непогод,
Не щади, не жалей, к неизбежному вымчи меня...

В 1949 году в издательстве „Молодая гвардия“ вышла книжка стихов башкирского поэта Мустая Карима „Цветы на камне“. Переводы с башкирского языка сделаны М. Дудиным, А. Недогоновым, С. Орловым и другими. Мустай Карим — один из выдающихся поэтов советской Башкирии. Его стихи, проникновенно изображающие жизнь наших людей, глубоко художественны и оригинальны.

В рядах Советской Армии в годы Великой Отечественной войны Мустай Карим прошел от Москвы до Берлина. Он хорошо знает жизнь людей страны социализма. В его стихах раскрывается образ человека, сумевшего одержать победу в гигантских битвах с фашизмом. Он замечательно запечатлевает и картины послевоенной мирной созидательной жизни. Мустай Карим о колхозной деревне

умеет рассказывать так, что читатель чувствует запах и цвет свежего пшеничного хлеба, глубоко ощущает радость колхозников за свой труд и отдых.

Лучшие переводы из Мустая Карима принадлежат М. Дудину, сумевшему ярко и правдиво передать идейное содержание стихов башкирского поэта и особенности его формы. М. Дудин перевел на русский язык такие стихи Мустая Карима, как „Комсомольский билет“, „Звезды счастья“, „По дороге в родной аул“, „Колхозная застольная“ и другие.

В стихотворении „По дороге в родной аул“ Мустай Карим передает взволнованно-счастливые переживания человека, победившего на войне лютого врага и возвращающегося домой, чтобы самоотверженным трудом множить богатства своей родной земли:

...А теперь мне привелось опять
По дорогам родины ступать.
Я нашел: она в моей крови,
Сила человеческой любви.
Лебеди летят над головой.
Лебеди торопятся домой;
Но мечты о родине моей
Обгоняют белых лебедей.

М. Дудин перевел также стихотворение „Колхозная застольная“, раскрывающее тор-

жество двух соседних сел в честь урожая.

Талант М. Дудина — светлый и отзывчивый. Он стоит на пороге новой ступени творческого роста, и хочется от души пожелать нашему земляку-поэту подняться на эту ступень.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

В 1949 году в Ивановском областном государственном издательстве вышел сборник стихотворений с привлекательным заглавием „Молодые голоса“. Сборник открывается небольшим предисловием М. Кочнева. Автор предисловия, характеризуя идейную направленность стихов молодых поэтов, пишет: „Все участники этого сборника, подготовленного областным отделением Союза советских писателей, прошли в серых солдатских шинелях по фронтовым дорогам. На фронт они пошли юношами — комсомольцами. На войне они возмужали... Тяжелые испытания боевой жизни еще больше закалили их характер, подсказали молодым поэтам главную тему — тему о мужестве наших доблестных воинов, о прекрасных морально-политических качествах советского человека...“

Действительно, большинство стихотворений,

напечатанных в сборнике, связано с военной тематикой, раскрывающей переживания советских людей, на долю которых выпала честь не только разбить немецко-фашистские бронированные полчища, но и принести свободу народам значительной части Европы. Стихам сборника „Молодые голоса“ нельзя отказать в свежести и искренности чувств и переживаний их авторов. В целом сборник оставляет хорошее впечатление. Однако не все в нем равноценно. Отдельные стихи вызывают законное недоумение. Оно диктуется не столько недостаточным мастерством авторов (впрочем, некоторым из них, безусловно, еще мастерства нехватает), сколько тем, что далеко не все участники сборника глубоко подходят к явлениям жизни.

В „Молодые голоса“ вошли стихи Игоря Мартьянова, Николая Сусленникова, Бориса Иовлева, Ивана Ганабина, Ивана Озерова, Венедикта Герасимова, Леонида Кудрина, Николая Михеева, Александра Фролова, Александра Романовского, Николая Пучкова, Вадима Воробьева и Всеволода Мамушина.

Многие из перечисленных авторов сборника печатаются в областных изданиях уже по нескольку лет, иные—только что появились в печати.

Первое поэтическое слово в сборнике по праву предоставлено Игорю Мартьянову. По праву потому, что в его стихах больше лирической теплоты, согревающей ясные, близкие всем чувства человека, прошедшего суровый и вместе с тем яркий путь миллионов советских людей в Великой Отечественной войне. Из восьми его стихотворений лучшими являются „Нас вел Сталин“, „У русской могилы“ и „Ночь в ресторане“.

Игорь Мартьянов говорит о войне так, как могут говорить только люди, сами бывавшие в пекле войны, видевшие на своем пути много несчастий и страданий, но ни на один миг не забывающие, что советский народ под водительством великого Сталина одержит победу над врагом.

Набилась грязь за сапоги —
Ее никто не замечает:
Ведь наши трудные шаги
По карте Сталин отмечает...
А поутру, сквозь сеть дождя,
В окопы и на батареи
Ко всем придет приказ вождя
И души воинам согреет.
И мы опять вперед пойдём,
Пусть мокрый ветер лица лижет,
Чем дальше мы, тем ближе дом,
И слава воинская ближе.

(„Нас вел Сталин“...)

В небольшом стихотворении „У русской могилы“ автор с большой душевной теплотой рассказывает о том, как люди освобожденной Советской Армией страны свято чтут память погибших в бою освободителей:

От поселка дорожкой узкой,
Мимо заспанного пруда,
Ходят чехи к могиле русской,
Дети носят цветы сюда...
Пусть под осень завянут клены,
Лягут листья ковром у ног,—
На могиле его зеленый
Будет вечно лежать венок.

Лучшие стихи Игоря Мартьянова — это стихи о Великой Отечественной войне, стихи, выстраданные на войне, идущие от всего сердца молодого воина и поэта. Но там, где автор переходит к изображению мирной жизни, у него нехватает поэтической оригинальности, он не находит животрепещущих тем, ограничиваясь показом типичной для довоенного времени действительности. Между тем жизнь, наступившая после войны с фашистскими детоубийцами, насильниками и мародерами, несет в себе новые черты, характерные тем, что советские люди невиданными темпами восстанавливают разрушенное войной народное хозяйство, с удвоенной

силой крепят мощь своей Родины, делают новые, потрясающие мировое общественное мнение научные открытия, идут в авангарде могучего демократического лагеря борьбы за мир против злобствующих поджигателей войны — англо-американских империалистов. Все это сейчас является могучим источником поэзии, и естественно, что только тот напишет яркие и полновесные стихи о нашей послевоенной мирной жизни, кто глубоко вникнет в биение пульса современности, кто поймет всемирноисторическое значение сегодняшнего дня.

Игорь Мартьянов, написавший ряд замечательных стихотворений о войне, теряет поэтическую силу, когда обращается к темам мирной жизни. В его стихотворении „За мирный труд“ есть замечательные строчки:

Эти пашни, леса и травы —
Честь и слава, и жизнь твоя.
В жарких битвах ты добыл право
Возвратиться в свои края.

Но, описывая мирный труд тракториста, Игорь Мартьянов не замечает перемен в этом труде, не видит, в какой обстановке он совершается, не делает даже попытки сказать читателю о том, что человек, который добыл

в жарких битвах право возвратиться в свои края, — приобрел вместе с тем и новые качества: стал мужественнее, бдительнее, вырос в идейном и моральном отношении, что этот человек не испугался фашистских „тигров“ и не испугается американских атомных бомб. Вот почему конец стихотворения „За мирный труд“ звучит слишком обще, в нем автор отделался обычным славословием. Чтобы не быть голословным, процитируем конец стихотворения:

И сегодня приятно как-то
Снова запах вдохнуть хмельной,
Как бывало, вести свой трактор
Столковавшейся целиной.

Автор утверждает: „как бывало“, но ему можно категорически возразить: нет, не как бывало, ибо жизнь советского человека стала ярче, богаче, перед ним раскрылись более широкие горизонты и перспективы.

Другое стихотворение Игоря Мартьянова „Студентка“ произвело бы впечатление лет 15—20 назад, а сегодня читатель не найдет в нем особенной новизны прежде всего потому, что сам автор опять-таки не ищет этой новизны. Весь смысл стихотворения сводится к тому, что дочь узбечки пришла учиться в текстильный институт и что —

Будет день —
И в смуглом инженере
Дочку с гордостью узнает мать.

В нашей стране, самой передовой и культурной стране мира, уже давно вошли, как говорят, „в быт“ такие явления, когда молодежь всех национальностей выбирает себе профессию по душе, учится в школах, институтах, университетах, участвует в работе научно-исследовательских учреждений. Поэтому — слишком узко ограничивать тему стихотворения только гордостью матери за то, что дочь ее станет инженером. Можно было бы найти немало новых средств изображения современных студентов, стоящих во всех отношениях неизмеримо выше тех, кто учится в буржуазных институтах мракобесия и человеконенавистничества.

Недостатки, присущие поэтическим образам мирной жизни в стихах Игоря Мартьянова, еще более характерны для других участников сборника „Молодые голоса“. Посмотрим с этой точки зрения стихи Ивана Озерова.

И. Озеров печатается уже несколько лет, и читатели вправе предъявить к нему свои законные требования. В даровитости И. Озерову отказать нельзя. Такие его стихи, как „Мы сегодня продолжаем бой“ и „Начало дня“,

ник“ и „Плотник“. Написаны они сусально, неестественно, вне времени и пространства. Озеровские плотники и печники скорее похожи на дореволюционных ремесленников, занимавшихся „отхожим промыслом“. Его „Плотник“ заканчивается словами:

И обязательно зайдет к знакомым
Поздравить их с красивым новым домом,
А для себя он выстроит потом!

Почему „для себя он выстроит потом!“ и причем тут знак восклицания. Уж не хотел ли автор высказать этим какую-то глубокую мысль? Нет, мысль его, к сожалению, не глубокая. Так велось в старые времена, когда сапожник оказывался без сапог, но ведь это приметы старого, а молодой поэт в 1949 г. должен был видеть в изображении советских людей приметы нового. Заслуженно можно сделать упрек И. Озерову в его небрежной работе над отделкой стихов. У него „земля зазвенела ручьем“. Неужели только одним ручьем, а не ручьями. У него весна прилетела „непоседой грачом“. Какое неудачное сравнение! Разве нельзя было побольше подумать над своими стихами, прежде чем выходить с ними в печать?

Молодым авторам нужно быть требова-

тельнее к написанному, нужно помнить примеры великих поэтов, которые, несмотря на громадную одаренность, переделывали по нескольку раз строчки своих стихов, добиваясь их идейно-художественной силы и глубины. Известно, как талантливейший поэт нашей эпохи В. Маяковский переделывал десятки раз отдельные строки стихотворения „Сергею Есенину“, о чем он сам рассказал в знаменитой статье „Как делать стихи“, являющейся первоклассным трактатом для всех поэтов, особенно молодых.

Лучшее, что есть в сборнике „Молодые голоса“, это стихи о войне: они и по содержанию, и с точки зрения мастерства написаны полновеснее, выразительнее и свежее.

Хороши стихи Николая Михеева „Артиллерист“, Леонида Кудрина „В море“, Александра Фролова „Радость освобождения“, Ивана Ганабина „Баллада о погибшем матросе“, но, как только эти же авторы от военных тем переходят к описанию мирной жизни, они начинают сбиваться на литературные перелевы и редко дают запоминающиеся стихи. Если у Н. Михеева выразительно написаны „Песня машиниста“, „Осень“, где, кстати, хорошо говорится о послевоенном урожае, то его же стихотворение „Хороши в деревне вечера“

является перепевом многих известных стихов о тальяночке и гармошке с „частым перебором“, со „звоном трехрядки“ и т. п.

Неубедительно, как дешевую картинку на старых обертках шоколада, дает внешний облик ткачихи Тани А. Фролов в стихотворении „Весна в цехе“. Вот как он рисует ее:

Глаза у нее васильков голубей,
Над ними расходятся стрелы бровей,
Стройна, как березка..

Нет, не думал автор об изобразительных средствах девушки-ткачихи, а пошел по дорожке избитых сравнений, по пути внешней красоты.

В сборнике „Молодые голоса“ включены стихи Всеволода Мамушина: „Суворовец“, „Он будет летчиком“ и „Где проходит фронт“. Они в сравнении со стихами многих других авторов наиболее свежи и интересны своей целеустремленностью. Однако и эти стихи не лишены недостатков.

В итоге хочется сделать следующие выводы: сборник „Молодые голоса“ свидетельствует о росте молодых литературных дарований, круг их становится все шире, голоса их — более твердыми. Безусловно, их мастерство нуждается в большем совершенствовании, и только тот из них поднимется на новую

поэтическую ступень, кто не забудет, что без совершенствования своего мастерства можно захиреть, увянуть и оказаться литературным пустоцветом. Поэзия больше, чем какое-либо другое литературное творчество, не терпит легковесности и небрежности.

Поэзия,—
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.
Но как
испепеляюще
слов этих жжение
рядом с тлением
слова-сырца.
Эти слова
приводят в движение
тысячи лет
миллионов сердца.

Этот завет великого поэта социалистической эпохи В. В. Маяковского должны помнить все наши литераторы.

И еще один важный вывод: ивановские молодые авторы должны глубже изучать современность, вникать в ее особенности, в ее новые явления, настойчивее искать изо-

бразительные средства, раскрывающие облик советского человека, ныне стоящего на страже мира и строящего коммунизм.

Совсем неплохо, что сборник „Молодые голоса“ преимущественно состоит из стихов о Великой Отечественной войне. Эта война вдохновляет писателей массовым героизмом защитников Родины, их мужеством и беспримерной отвагой. Тем не менее участникам сборника нужно смелее и глубже решать в своем творчестве вопросы современности, не топтаться на месте, не перепевать других, а стремиться внести в поэзию свое зерно, свое слово. Разве, например, ивановские авторы не могли бы создать волнующие стихи о тысячах текстильщиков, которые добились больших трудовых успехов, досрочно завершив свои пятилетние планы? Слов нет, некоторые участники сборника делают такие попытки, но эти попытки еще очень робкие и скорее напоминают штрихи к картине, но не самой картину. Если взять стихотворение Н. Сусленникова „День обычный“, то оно выглядит бледной копией многих хорошо написанных в свое время стихов поэта-ткача А. Н. Благова. Н. Сусленников посвятил стихотворение бригадиру молодежной бригады Меланжевого комбината М. Химичевой.

Знатные люди текстильного производства заслуживают того, чтобы им посвящались стихи. Но они еще более заслуживают того, чтобы поэты раскрывали их красоту души, их благородный труд, их новые черты, характеризующие идейное и нравственное богатство самых передовых людей мира.

Кстати, этот упрек с полным основанием можно отнести не только в адрес молодых голосов. Коллектив ивановских писателей давно в долгу перед большой армией текстильщиков. Если некоторые ивановские писатели дали ряд заметных книг о текстильщиках (сказы М. Кочнева, повесть Д. Прокофьева „Алексей Шкаров“, многие стихи А. Благова), то все это касается главным образом далекого прошлого. До сего дня в Иванове не вышло ни одной повести или романа, где раскрывался бы творческий труд людей таких красавиц фабрик, как „Красная Талка“, созданных в годы сталинских пятилеток; еще не написано ни одной солидной книги о ткачах, дающих людям нашей страны нарядные ткани. Эти книги, к сожалению, все еще „вынашиваются“, все еще находятся в стадии „творческих замыслов“. Между тем пришло, давно пришло время взяться ивановскому коллективу писателей за такие темы.

СОДЕРЖАНИЕ

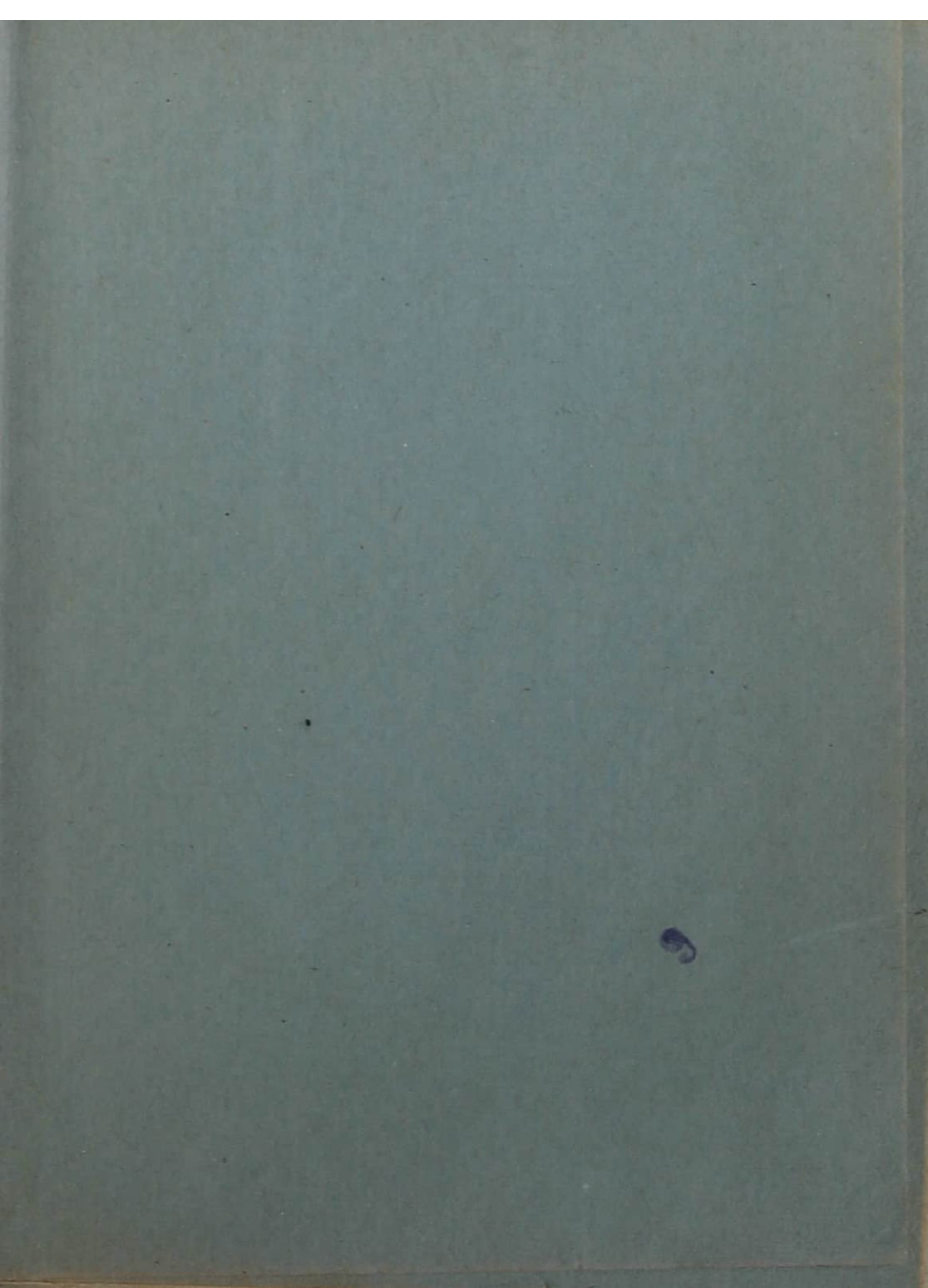
	Стр.
От автора	3
О пройденном пути	5
Д. Фурманов в Иванове	33
Поэзия труда	102
Сказы М. Кочнева	114
О творчестве М. Шошина	133
Поэзия М. Дудина	160
Молодые голоса	186

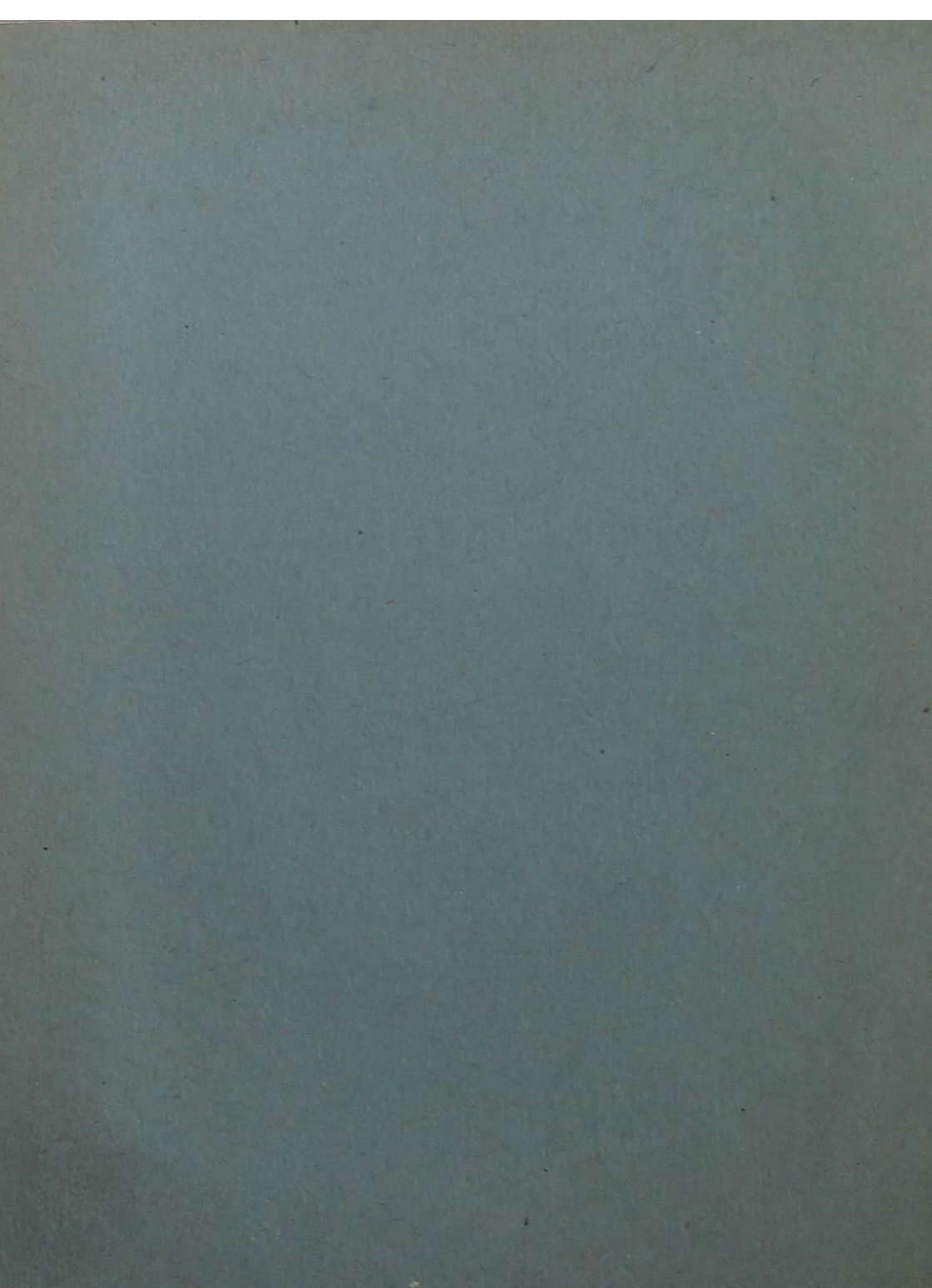

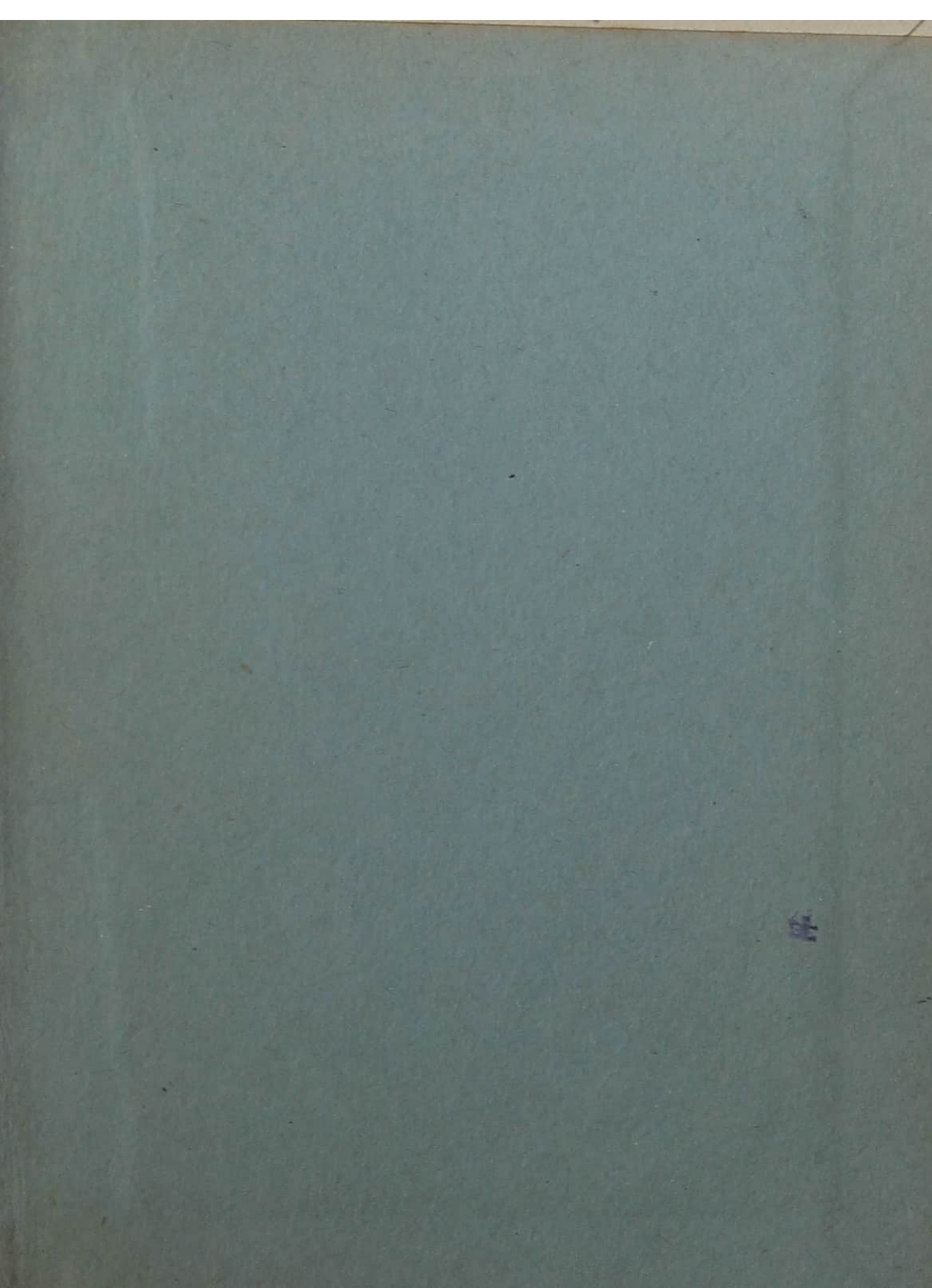
Редактор Н. С. Михеев. Художник И. Т. Колочков.

Подп. к печ. 2/XI—1950 г. КЕ—02765. Печ. л. 6¹/₄. Уч.-изд. л. 5,7.
В печ. л. 36736 тип. зн. Тираж 5000 экз. Цена 2 руб. 85 коп.
Переплет 1 рубль.

Ивановская типография областного издательства при облисполкоме.
Типографская 4, Заказ 7718,

3 руб. 85 коп.

